

КАЛАШНИКОВ

МИХАИЛ

**ЗАПАДНАЯ
ЦИВИЛИЗАЦИЯ**

**ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ
КРИЗИС**

АНДРЕЙ ФУРСОВ

РЕКОМЕНДУЕТ ПРОЧИТАТЬ!

Михаил Калашников

**Западная цивилизация.
Экзистенциальный кризис**

«Книжный мир»

2022

УДК 008.2
ББК 60.033.141

Калашников М. С.

Западная цивилизация. Экзистенциальный кризис /
М. С. Калашников — «Книжный мир», 2022

ISBN 978-5-6047704-9-8

Почему свобода личности привела к разложению общества? Сколько ещё продержится на планете Земля материалистическая англосаксонская Западная цивилизация? Почему во всём мире отторгаются её антигуманные ценности? В новой книге живущий уже около 30 лет в Канаде журналист, писатель и философ Михаил Семёнович Калашников, неоднократно выступавший на страницах своих книг с резкой критикой западного общества, на основе анализа исторического, культурного и политического развития Запада показывает тупиковый путь высоко развитого технически, но ставшего бездуховным общества. Будущее не за расширением потребления, а за так необходимым людям балансом материальных и духовных ценностей. Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся историей, культурой, гуманитарными проблемами высоких технологий и усиливающегося политического контроля над обществом.

УДК 008.2
ББК 60.033.141

ISBN 978-5-6047704-9-8

© Калашников М. С., 2022
© Книжный мир, 2022

Содержание

Глава I	6
Глава II	23
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Михаил Семёнович Калашников
Западная цивилизация
Экзистенциальный кризис

© Калашников М.С., 2022

© Книжный мир, 2022

© ИП Лобанова О.В., 2022

Глава I

Культура и цивилизация

Всемирная история есть сумма всего того, чего можно было бы избежать.

Бертран Рассел

Слово «цивилизация» довольно часто появляется на страницах газет, журналов, интернет-изданий, звучит по радио и телевидению. Особенно в таком сочетании как «цивилизированный мир», «цивилизованное общество», «цивилизированные люди» и т. п. А ещё рядом с ним живет другое емкое слово – культура. Культура бытовая, национальная, элитарная, культура мышления, поведения, речи, субкультура... И нередко люди воспринимают эти термины, не задумываясь об их значении. А ведь не всё так просто.

Культура и цивилизация – базисные феномены человеческого существования и передают его сущность, а также показывают (в историческом плане) становление и развитие человечества и взаимодействие отдельных его частей. Культура и цивилизация идут рука об руку на протяжении почти всей истории, и, может быть, именно это вносит некоторую путаницу в их определении среди историков и культурологов. «Особенно расплывчат термин “цивилизация”, – писал российский культуролог, философ и писатель Григорий Померанц, – лишенный какой бы то ни было номической определенности... отчетливое определение, что такое “цивилизация”, никогда дано не было»¹. Действительно, слово «цивилизация» сегодня используется для обозначения нескольких явлений: противоположности дикости и варварству, современного состояния западного общества и как синоним слова «культура». И всё же, если затрагивается какое-либо понятие, необходимо более или менее очертить его границы и обозначить смысловую нагрузку.

В историческом плане цивилизация – это некая ступень, которая характеризуется определенными чертами общественного развития. Но это не любая ступень. С XVIII столетия, когда появился сам термин, возникла традиция противопоставления цивилизации – высшей ступени развития общества на данный момент – дикости и варварству. Парадокс в том, что несмотря на то, что древние общества, такие как Египет, Китай, Греция, Рим и т. п. рассматриваются нами как отдельные цивилизации, сами они о своём цивилизованном состоянии не знали. Древние греки или римляне лишь отделяли себя от варваров, считали себя выше их по уровню развития культуры, техники, наукам, искусствам, технологиям, но они не знали, что живут «цивилизированно», они только чувствовали свое отличие от другого состояния бытия на более низкой ступени развития. Так древнегреческий историк и географ Страбон писал, что «у одних народов преобладают законность, государственное начало и достоинства, связанные с воспитанием и науками, у других же – противоположные»². То есть цивилизация была, а её теоретического обоснования не было. Себя, своё общество греки и римляне связывали с высокой культурой, а варваров несмотря на то, что у многих из них была довольно развитая культура, они лишали такого права.

С легкой руки известного американского антрополога Генри Льюиса Моргана условно, для систематизации, история развития человечества была разделена на три периода: дикость, варварство и цивилизация. Каждый последующий этап ставился выше предыдущего. Таким образом, дикость предшествовала варварству, а оно, в свою очередь, цивилизации. Вполне воз-

¹ Померанц, Г. Теория субэкумен и проблема своеобразия стыковых культур // Померанц, Г. Выход из транса. – М.: Юрист, 1995. – С. 206.

² Страбон. География. – Л.: Наука, 1964. – С. 73.

можно, что и варвары, встречаясь с дикарями, ощущали свое превосходство над последними, кичились этим, и вообще не рассматривали их как людей. Но доподлинно известно, что те, кто принадлежал цивилизации, с большим презрением относились к варварам (Аристотель, например, утверждал, что все негрыки – рабы по своей природе). Но, может быть, только греки относились с презрением к окружающим их варварам? Нет, не только. Вот как, по словам «отца истории» Геродота, к окружающим народам относились персы: «Наибольшим почетом у персов пользуются (*разумеется, после самих себя*) ближайшие соседи, затем – более отдаленные, а потом уважением пользуются в зависимости от отдаленности. Менее же всего в почете у персов народы, наиболее от них отдаленные. *Сами они, по их собственному мнению, во всех отношениях далеко превосходят всех людей на свете* (Курсив мой. – М.К.), остальные же люди, как они считают, обладают доблестью в зависимости от отдаленности: людей, живущих далее всего от них, они считают самыми негодными»³.

А вот как в своём сочинении «О происхождении германцев» древнеримский историк Тацит обрисовал их быт (германец и варвар у Тацита – синонимы). Он писал: «Счет времени они ведут не на дни, как мы, а на ночи» (гл. 11); «Мы научили их принимать и деньги» (гл. 15); «Свои деревни они размещают не так как мы... но каждый оставляет вокруг своего дома обширный участок. Строят же они, не употребляя ни камня, ни черепицы... У них принято также устраивать подземные ямы, поверх которых они наваливают много навоза и которые служат им убежищем на зиму и для хранения съестных припасов» (гл. 16); «Тайна письма равно неведома и мужчинам, и женщинам» (гл. 19); дети у них растут «голые и грязные... Господа воспитываются в такой же простоте, как и рабы, и долгие годы в этом отношении между ними нет никакого различия» (гл. 20). «Беспробудно пить день и ночь ни для кого не постыдно» (гл. 22)⁴. В этих строках хорошо чувствуется снобизм римлянина, для которого Рим есть центр мира во всех смыслах этого слова. Не так, как мы... мы их научили... не знают (как мы) письменности. Во всём варвара он сравнивает с римлянином, и, конечно, преимущество оставляет за последним. И это несмотря на то, что некоторые обычаи и законы римлян иначе как варварскими не назовешь (подробней об этом будет сказано в главе четвертой). Тем не менее римляне презирали тех, кого называли варварами, и считали их существами низшего порядка. Но почему? Откуда взялось это презрение к тем, кто живет по другим правилам, кто имеет другие представления и другие ценности, пусть они даже кажутся примитивными (отголоски этого, к сожалению, можно наблюдать и сегодня)?

Вероятно, ответ кроется в биосоциальной сущности человека. У всех животных, живущих социальной жизнью (стаями, стадами, роями и т. п.) выделяется вожак. Это наиболее сильная, здоровая и инициативная особь, качества которой давали всему сообществу больше шансов на выживание. Но чтобы стать вожаком, «кандидат» должен показать сородичам свои, столь необходимые «для руководства», черты. Его преимущества, способность к лидерству открывали дорогу к обретению определенных властных полномочий, которые должны были обеспечить группе пищу, убежище и возможность увеличивать свою численность. Таким образом, вся находящаяся под его началом группа получала преимущество перед окружающими. Но у животных это происходит на основе накапливаемого опыта, закрепляемого и передаваемого биологическим (генетическим) путем.

У человека на первых ступенях развития происходило, примерно, то же самое, но появление разума внесло свои коррективы. Опыт стал передаваться не только закрепленным в инстинктах, но индивидуально, от особи к особи, от вожака к стаду и т. д. Человек перед лицом природы начал осознавать преимущества, полученные при совершении определенных действий, закреплял их в памяти и передавал из поколения в поколение. Сталкиваясь с другими

³ Геродот. История. – Л.: Наука, 1972. – С. 55.

⁴ Тацит, К. Сочинения. В 2-х тт. – Л.: Наука, 1969. – Т. 1. – С. 358–363.

группами первобытных людей, не имеющих соответствующих навыков, орудий, представлений, «передовые» группы начали осознавать своё преимущество по сравнению с ними. Возникла психология, если так можно выразиться, «первобытного снобизма», которая закреплялась, расширялась и углублялась. Если мы умеем то-то и то-то, а другие не умеют, значит, мы выше, лучше, потому что у нас больше шансов выжить и сделать свой род почти бессмертным. И по мере общественного развития, благодаря многим факторам, различия между родами, племенами, а впоследствии народами углублялись, пропасть между ними расширялась и войны, которые вели «цивилизованные» народы, начинали рассматривать как нечто естественное, как подтверждение своего превосходства и права на реализацию полученных преимуществ. Превозносить других стало естественным и нормальным, как внутри сообщества, так и по отношению к окружающим его (на индивидуальном уровне в наше время это закреплено формулой «если ты беден, а я богат, значит я, достигший всего, чем обладаю, лучше, выше и имею право на привилегии»). Так что нельзя удивляться ни Геродоту, ни Тациту, ни другим древним писателям, представителям «цивилизации», у которых все вне её пределов – дикари или, в крайнем случае, варвары. А по отношению к варварам любые действия становятся правомочными. С тех пор флаг цивилизации гордо реет впереди колесниц, галер, фаланг, центурий, полков и других единиц передовых отрядов цивилизаторов, основная цель которых – получить за счет преимущества выгоду, и обрести заслуженную награду – добычу, в какой бы форме она ни была.

Ощущение своего преимущества легко переходит в идею превосходства, которая приводит к искушению его реализовать. Эта реализация и делает превосходство реальным. Как метко заметил Хосе Ортега-и-Гассет, «привычка ощущать превосходство постоянно берedit желание господствовать»⁵. Уже дикари, обладавшие примитивным оружием, каменным топором или дротиком, не только охотились на животных, но и воевали друг с другом. И в бою они выясняли, у кого действительно есть преимущество, кто на самом деле превосходит другого по ряду качеств, прежде всего военных. До господства ещё не доходило, понадобилось несколько десятков тысяч лет, чтобы понять, что живой пленный лучше, чем мертвый враг, потому что он может стать рабом, а завоевать находящиеся рядом плодородные земли легче, чем искать их в постоянных странствиях. Но надо отметить, что господство одних над другими возникло ещё до цивилизации. Цивилизация, однако, весьма охотно воспользовалась плодами изобретательных дикарей, к которым она же относилась с глубоким презрением.

Человек не единственное социализированное существо. И даже не единственное, которое враждует со своими сородичами (например, некоторые виды муравьев ведут между собой настоящие истребительные войны, что, впрочем, большая редкость). Но человек научился создавать орудия труда и с их помощью добывать и производить почти все необходимое для существования. Человек также вследствие того, что у него появился интеллект, начал понимать, что присвоить плоды чужого труда часто проще, чем самому создать необходимое. И орудия труда становятся оружием (тот же каменный топор, копье и т. п.). Отсюда берут начало бесконечные войны.

Сказанное выше относится к любой цивилизации, восточной или западной, индийской или китайской, арабской или индийской, шумерской или египетской. Каждая цивилизация старалась (и старается до сего дня) получить превосходство, – как за счет собственных ресурсов, так и за счет других источников, – и использовать его для установления отношений «господство – подчинение». Каждая видит себя в чем-то выше, неоспоримо уникальной и даже несущей остальному человечеству факел главных ценностей. *Цивилизаторство*, т. е. насаждение своих правил, своего образа жизни, экономических отношений и культурных достижений, а не только элементарная страсть к наживе, становится нормой (в XXI веке это стараются тщательно камуфлировать средствами изоэтральной пропаганды). Но если говорить о цивилиза-

⁵ Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс. – М.: АСТ, 2008. – С. 88.

ции европейской, то надо отметить одно её отличие от других: начиная со времен Александра Македонского, она стремилась к тотальному покорению народов ойкумены (в наше время – всей планеты) и на определенных этапах своего развития преуспевала в этом. Конечно, в древности были и неевропейские цивилизации, стремившиеся к максимальному покорению окружающих народов (например, персидская, исламская, монгольская и т. п.), но основное отличие заключается в том, что только европейской (точнее, западноевропейской) удалось вплотную приблизиться к своей цели.

В общих чертах *цивилизацию можно определить как устойчивое сообщество людей, существующее на ограниченной территории в некоторых временных рамках, объединенных общим языком или несколькими родственными языками, духовными ценностями, схожими культурными традициями, уровнем социального и политического развития и особенностями образа жизни*. В отличие от цивилизации *империя есть конгломерат разных народов, отличающихся культурой, языком, традициями и менталитетом*. Империя носит наднациональный характер. Так в составе империй Александра Македонского, Римской империи, империи Карла Великого, Российской, Британской, Французской и прочих империй были различные народы (племена), часто очень далекие друг от друга не только географически, но и культурно.

Чтобы создать империю, нужен особый *имперский дух* – стремление, готовность и способность воплотить в жизнь имперские амбиции. Они возникают как внутренняя необходимость создать равновесие с окружением путем поглощения, следуя возникающим имманентным потребностям. Но созданная силой, империя может, на основе политического и духовного компонента, создать цивилизацию, отличную от других. Римская империя, впитавшая греческую культуру, стала местом особой греко-римской цивилизации. Вероятно, именно это послужило причиной того, что Освальд Шпенглер мог утверждать: «Империализм – это чистая (То есть в чистом виде. – М.К.) цивилизация. В этой непреложной форме проявляется судьба Запада. У культурного человека энергия обращена внутрь, у цивилизованного – вовне»⁶. Заявление интересное, но довольно спорное.

Европейская цивилизация – уникальное явление в мировой истории. Как и любая другая, она была подготовлена развитием от первобытного состояния (дикости), через варварство – до своего становления и достижения современного состояния. За это время была создана богатейшая культура, основными достижениями которой стали философия, искусства, религия, определенная, в чём-то более гуманная, общественная организация. Можем ли мы, исходя из этого, говорить о том, что достижения эти – лучшее из того, что *могло* быть создано? Вряд ли. Ведь каждая цивилизация уникальна и имеет определенный набор ценностей, духовных и материальных. Кроме всего прочего, она представляет собой некую общность, которая имеет отличительные черты культуры, несущей идеалы и создающей на их основе определенную ментальность своих носителей. *Цивилизация есть результат развития культуры. Она – порождение культуры, её политическая и социальная составляющая. Но она в европейском понимании есть и степень развития социума, его материальной и духовной культуры*.

В связи с этим необходимо отметить и понятие цивилизованности, т. е. степени развития цивилизации. Каждая цивилизация, имея свои уникальные отличительные черты, старается показать и доказать превосходство над другими. Инки, ацтеки и майя, китайцы и индийцы, арабы и европейцы, православные и католики сталкивались в войнах, в том числе и по той причине, что некоторые из них считали себя выше других. Дух превосходства, сознание, фактическое или ложное, своей силы, высшей степени организации, изворотливости, хитрости порождали и все ещё порождают международные конфликты. В ходе конфликтов одни цивилизации ставят своей целью либо уничтожить другие, либо подчинить себе, изменив истори-

⁶ Шпенглер, О. Закат Европы. – М.: Мысль, 1993. – Т. 1. – С. 170.

чески сложившуюся культуру и образ жизни, насадить вместо них свои (в современном мире для достижения второй цели военный конфликт необязателен).

Превосходство одних цивилизаций над другими складывается вследствие неравномерности их развития. Этому способствуют объективные причины (климат, плодородие земель, наличие достаточного количества воды и ископаемых, культурные особенности), поэтому уровень развития цивилизаций варьируется в значительных пределах. Кроме того, климатические изменения, катаклизмы, истощение ресурсов, набеги соседей могут сильно замедлить развитие. И конечно, способность «вожак» трезво оценить обстановку, большая или меньшая степень их расчетливости, алчности, зависти могут привести к усилению или ослаблению определенной цивилизации.

С течением времени сам термин «варвары» трансформировался и стал обретать другие значения. Греки называли варварами все другие народы и племена, язык которых был им непонятен. В дальнейшем этот термин принял специфическую негативную окраску, и «варвар» стал синонимом слова «примитивный», «ужасный», «жестокий», «необразованный», «воинственный». Чаще всего это было действительно так. В большинстве случаев варвары не знали государственности или она была у них на самом примитивном уровне. Культура варваров тоже была на более низком уровне, но жестокость вполне могла соперничать с цивилизованной, например, римской, а воинственность и агрессивность даже превосходить ее. Но по каким признакам можно четко отделить варварство от цивилизации?

Если считать, как это принято, что варварство от дикости отделяет изобретение гончарного искусства (что является весьма условным), то цивилизацию от варварства, наряду со строительством городов и государственности, отделяет появление письменности как основы устойчивых отношений больших общественных групп. При этом, что очень важно, каждому из трех состояний бытия (дикость, варварство, цивилизация) соответствует определенная структура социальной организации. Если при зарождении общественной организации доминировали родовые отношения (дикость), то в период варварства определяющими отношениями становятся племенные. Цивилизации соответствуют оседлость, государственность (политическое общество), семья и частная собственность (эти феномены увеличивают степень социализации общества, что способствует его развитию). Родовое и политическое общество действительно очень далеки друг от друга, но означает ли это, что одно бесспорно имеет преимущества перед другим? Вопрос покажется странным, но если посмотреть на картину исторического развития, на изменения в отношениях людей, ощущения ими свободы, удовлетворенности жизнью, регресс цивилизации в единении с природой, её воздействию на окружающую среду, возросшую агрессивность, жестокость, то ответ будет не таким однозначным, как это кажется на первый взгляд. Цивилизация дала человеку множество благ, среди которых облегчение труда, развитие культуры, медицина, увеличение продолжительности жизни и т. д. Но надо помнить, что всякое развитие, в общем и целом, должно быть позитивным по отношению к человеку, и трудно отмерить на исторических весах насколько цивилизационный прогресс отвечает этому критерию. Стало ли человеку цивилизации жить лучше, стал ли он менее зависимым, т. е. более свободным, приносит ли ему большее удовлетворение жизнь в асфальтовых джунглях, нежели в непроходимых лесах? Опасность гибели в пламени ядерного взрыва предпочтительней вероятности быть растерзанным дикими зверями? Не все дают на эти вопросы однозначный ответ. И как парадоксально заметил французский философ Эмиль-Мишель Чоран, «цивилизация начинается мифом и кончается сомнением»⁷.

Западноевропейская цивилизация, отличная от всех других, имела (и имеет) определенные специфические черты, среди множества которых можно выделить инициативность, некоторую бескомпромиссность, цивилизаторство, стремление эксплуатировать и распространять

⁷ Чоран, Э.-М. Портрет цивилизованного человека // Апокалипсис смысла. – М.: Алгоритм, 2007. – С. 65.

свои порядки на другие народы, т. е. покорять их и на этой основе создавать империи. И именно это породило самый значительный конфликт в истории – конфликт Запада и всего остального мира⁸. Однако, например, французский историк Люсьен Февр считал, что «концепция высшей цивилизации, которую несут и распространяют белые народы Западной Европы и Северной Америки»⁹ устарела, и не отвечает реальности. И с этим невозможно не согласиться.

Дихотомия «добро – зло» с древности легла в основу и стала архетипом европейской антитезы «цивилизация – варварство». В современном мире под этим влиянием сложилось представление об особой роли западной цивилизации среди народов мира. «Цивилизованность» в Европе Нового времени стала обозначать отличие её общества от остального неевропейского мира. Мы часто можем слышать о «цивилизованных странах», – к которым, конечно, относят страны Запада. О цивилизованном подходе к решению различных проблем – разумеется, на основе понятий, сложившихся и практикуемых на Западе. О спектре проявлений западной культуры: в философии, искусстве, литературе, этике, религии (в том числе её отрицание, чем весьма грешит современная западная цивилизация); о политических институтах, правовых нормах и т. д., которые «просвещенный» Запад несет другим народам. И всё это объявляется как *единственный* образец для подражания и предмет стремлений *всех* народов, ещё не достигших высочайшего уровня развития, нашедшего свое воплощение в культуре и цивилизации Запада. Создается впечатление, будто существующие рядом с ним общества находятся в доцивилизационном состоянии, и если не в дикости, то уж наверняка в варварстве. Такой цивилизационный снобизм сплачивает коллективный Запад: он нивелирует внутренние противоречия и обозначает мнимую цель, камуфлирует истинные стремления евроцивилизации – подчинять и эксплуатировать тех, кто в цивилизованные нации не зачислен цивилизаторами. Как будто погibli и исчезли в пучине исторических перипетий цивилизации Китая, Индии, православия, Африки, Латинской Америки и т. д. А ведь они живы и, вполне возможно, переживут теряющий ориентиры, находящийся в периоде упадка Запад. Шпенглер, наблюдавший этот процесс, еще сто лет назад писал, что «Гёте психологически предвосхитил всё будущее Западной Европы. Это цивилизация вместо культуры, внешний механизм вместо внутреннего организма, интеллект, как душевный петрефакт (Окаменелость. – М.К.), вместо угасшей души»¹⁰.

Западная цивилизация формально провозглашает «уважение» к культурам и религиям других народов, но на деле относится к ним с крайним презрением и пренебрежением: начиная с английского антрополога Тайлора, принято говорить о примитивных культурах – если они не относятся к европейским. Однако уже Шпенглер считал, что каждая культура представляет собой уникальный опыт. Даже если одна культура является дочерней по отношению к другой, она рано или поздно утверждается в своей самобытности. Тем не менее цивилизаторство и порабощение стали основной тенденцией общения стран Запада с «нецивизованными» народами. Миссионеры продолжают пытаться обратить в «веру истинную» тех, до кого они ещё не смогли дотянуться. Бизнесмены – установить свои, «лучшие в мире» социально-экономические порядки. Политики – насадить марионеточные режимы, служители Марса – поставить военные базы. Вместо традиционной культуры аборигенов – контрацептивы, попкорн, кока-кола, рок, рэп и прочие прелести масс-культуры. И наконец, вместо сбалансированной естественной диеты – пищевые добавки, бургеры, канцерогенные соусы и прочие достижения «завоеваний» цивилизации – «вершины» развития человечества.

⁸ Подробно об этом см.: Калашников, М. Агрессия. Запад против всех. Краткая история одной цивилизации. – СПб: Дмитрий Буланин, 2021.

⁹ Февр, Л. Бои за историю. – М.: Наука, 1991. – С. 280.

¹⁰ Шпенглер, О. Закат Европы. – М.: Мысль, 1993. – Т. 1. – С. 540.

Западноевропейская культура прошла долгий путь – от примитивного доцивилизационного периода, через становление цивилизации, когда она складывалась, оформлялась и постепенно приобретала все свойства той цивилизации, в которой мы сейчас живем. Без греко-римской философии, искусства, римского права, без христианства, выросшего из иудейского монотеизма сегодняшняя Европа немыслима. Имперский дух – это тоже Греция (вспомним Александра Македонского) и Рим, создавшие две огромные империи. На греческом написаны Евангелия, латынь стала языком богослужений, теологических трактатов и университетских дискуссий средневековой Европы. Европа успешно впитывала достижения Востока – от индийской математики до арабской медицины. Взаимодействие с Востоком подарило ей факел, погасить который, даже после разрушения Рима, было уже невозможно. Крушение античной цивилизации не привело к полной утрате культуры, и она продолжила развиваться – через институт Церкви – на западе Европы и в Византии, а затем и на всем континенте. На основании этого опыта можно утверждать, что гибель определенной цивилизации не ведет к гибели её исконной культуры. Культура может пережить цивилизацию – если, конечно, сами люди не разрушат и то, и другое.

Культура древнее цивилизации. Она создает не только общий интеллектуально-материальный фон цивилизации, но является фундаментом, основой, в отрыве от которой цивилизация существовать не может. Впрочем, не только понять, но даже дать оформленное и признанное определение этому феномену не так-то легко. Недаром французский социолог Абраам Моль ещё в 60-х годах XX столетия указывал, что существует свыше 250 определенных культур. «Какое определение можно было бы дать слову “культура”? – задается вопросом ученый. – Поиски определения предмета сами по себе уже составляют самостоятельный прием исследования, поскольку неясности в определении абстрактного термина всегда отражают какую-то особенность определяемого предмета»¹¹. При этом А. Моль поясняет, что речь идет о «расплывчатых явлениях», то есть таких, которые «можно очертить, но невозможно строго определить, так как они “растворяются” в собственных определениях»¹². Довольно-таки туманно, и ясности от этого больше не появляется.

Надо отметить, что с течением времени понимание культуры, как и почти каждого абстрактного термина, менялось. В Древнем Риме, например, под культурой понимали совсем не то, что понимают в наши дни. Не лишним, возможно, будет напомнить, что слово «культура» впервые употребил Катон Старший, подразумевая под этим обработку земли, земледелие. Но уже через примерно столетие Цицерон употребил это слово в переносном значении, назвав философию «культурой души».

До XIX столетия все явления европейцы делили на две группы: природные, т. е. независимые от вмешательства человека, и культурные, являвшиеся следствием воздействия человека. Однако со второй половины того же века культуру стали характеризовать как определенный способ человеческого бытия, создаваемого человеком. В то же время она является и системой мировоззрения, вследствие которой появляются модели поведения людей. Но всё это вместе детерминировано не только биологическими характеристиками человека, но и социальной формой его существования. Это дало повод для создания теории социокультуры. Таким образом, каждая культура есть определенная система, привязанная к соответствующим социальным и природным условиям, выполняющая также роль охранителя некоего способа бытия. То есть каждая культура самобытна, самодостаточна и самоценна. А подавление одной культурой другой, в конечном счете, является (особенно в наше время) культурным империализмом.

Но основа культуры лежит в сознании человека. Всё созданное человеком является предметом культуры. Вероятно, культура (первичная, материальная) возникла из подражания при-

¹¹ Моль, А. Социодинамика культуры. – М.: Прогресс, 1973. – С. 35.

¹² Указ. соч. – С. 36.

роде. Заметив, например, что острый камень лучше, быстрее убивает животное, чем тупой, первобытный человек стремился создать такой же. Но перед тем, как создать что-то, какое-то орудие (скажем, каменный топор), человек должен был понять, для какой цели может послужить данное орудие, мысленно «изобрести» его и разработать план воплощения этого абстрактного «чертежа» в материальную сущность. Из этого следует, что в основе культуры лежит появившееся абстрактное мышление человека.

В начале было слово, говорится в Евангелии (не лишним будет напомнить, что в оригинале употребляется греческий термин *logos*, – но это не только слово, но и мысль, разум, понятие, идея, причина). Бог, согласно Священному Писанию, сотворил человека, но человек, осознавший Бога, сделал Его частью своего бытия, частью своей культуры. Культура отделила человека от природы, сделала его особым, неизвестным в докультурный период существом, и стала специфическим способом его существования, моделью поведения. Появился *Homo sapiens*, творец и изобретатель – и в созданной им духовной, и в материальной жизни. Таким образом, мысль, *logos*, творит все духовные ценности и является основой материальных. В культуре произошло отделение рукотворного, искусственного от естественного, природного. Орудия труда, наскальные рисунки, язык, мифы, усложняющаяся социальная организация, мораль, наука, искусства, экономика – в конечном счете, всё это продукты творческого мышления и/или физического труда. Культура появилась тогда, когда были сделаны первое орудие, первый наконечник для стрел, первый наскальный рисунок и т. д. «Человеческая культура, как известно, показывает наблюдателю две свои стороны. С одной стороны, она охватывает всё приобретенное людьми знание и умение, дающее им возможность овладеть силами природы и получить от неё материальные блага для удовлетворения человеческих потребностей, – пишет Зигмунд Фрейд, – с другой стороны в неё входят все те установления, которые необходимы для упорядочения отношений людей между собой, а особенно для распределения достижимых материальных благ»¹³. Сотворенный человек стал творить самого себя и своё бытие, и этот бесконечный процесс творения и есть культура человека. Таким образом, *культура – это, прежде всего, идеи и система разделяемых определенной группой (родом, племенем, народом, нацией, конгломератом наций) ценностей, их духовное и материальное воплощение, и наконец, способ человеческого существования, модели поведения. А продуктом культуры стала цивилизация.*

Но можно ли утверждать, что любые феномены культуры носят прогрессивный характер? Вряд ли. И не только потому, что культура породила цивилизацию, часто враждебную человеку. Культура хороша только тогда, когда её проявления носят позитивный для человека характер. А если они не приводят к совершенствованию людей, а наоборот, ведут к их регрессу, то можно говорить об антикультуре или культуре со знаком минус. Но так как культура, как и всякое творение человека, носит относительный характер, то вопрос о том, *что* является признаком культуры, а *что* антикультуры всегда вызывал споры. Особенно они стали актуальны в последнее время.

Разделенные географически первобытные племена создавали разные, самобытные культуры. У них были различные культы, одежда, украшения, в разное время они учились охотиться, создавали для этого отличающиеся друг от друга орудия охоты, а затем земледелия. По-разному у них развивалась и социальная жизнь. Формирование и развитие различных культур предполагало их взаимное влияние и взаимопроникновение, а также борьбу и противостояние. Но в «техническом» плане они двигались в одном русле: создавали орудия труда в соответствии с потребностями и местными условиями. И в духовной сфере, в только появляющейся морали у них проявлялись большие различия. «Существует большая разница между культурами, – указывает Эрих Фромм, – в одних системах общественные структуры сами по себе способ-

¹³ Фрейд, З. Избранное. – Л.: ОЛП Ltd, 1969. – Т. 1. – С. 190.

ствуют формированию в людях зависти, жадности и желания жить за чужой счет (Курсив мой. – М.К.), а в других эти черты встречают осуждение»¹⁴. Естественно, эти черты характера отдельных индивидов, принадлежащих определенным народам, обретая распространенность, приводили к вражде и её крайнему выражению – деструктивной агрессии. Особенно это стало заметно с возникновением городов и ростом цивилизации. А западные общества сформированы и живут до наших дней именно на основе этих, тщательно скрываемых «ценностей».

Возникновение цивилизации, как уже было сказано, связано с созданием городов. Город уникален тем, что в нём социальные связи начинают доминировать над природными, и в нём общество начинает развиваться и функционировать по вполне определенным, сначала сложившимся стихийно, а затем разрабатываемым правилам. Город – это не просто скопище людей и их жилищ, это и достаточно сложная социальная организация, требующая административного управления, четкого разделения труда, которое началось еще в до-городской период, а также система отношений, связанных с господством и подчинением и социальным расслоением. Развитие полиса (города-государства) было необходимым условием расширения производства, основанного сначала на свободном, а затем и на рабском труде, а это, в свою очередь, требовало вести многочисленные войны для захвата рабов. На смену доверительным отношениям, основанным на обычаях и взаимопонимании, возникла четкая система господства – подчинения централизованной власти и подчинения большинства меньшинству. Город не только дал толчок развитию цивилизации, он сам стал цивилизацией. Но развивающий цивилизацию город определенно передал ей некоторые черты варварства, главная из которых – агрессивность.

«Культура должна мобилизовать все силы, – писал З. Фрейд, – чтобы поставить предел агрессивным первичным позывам человека и затормозить их проявления путем создания нужных психических реакций»¹⁵. И как бы оправдывая невозможность имплементации этого, указывает на неравенство как на препятствующий благотворному влиянию культуры фактор: «природа установила неравенство, снабдив каждого человека как органическими возможностями, так и духовными талантами в чрезвычайно неравномерной степени; а этому ничем нельзя помочь»¹⁶. Этот тезис оспаривал ученик Зигмунда Фрейда Эрих Фромм: «Человек создан по образу и подобию Божию, – следовательно, все люди равны, – писал он, – это – равенство по общим для всех духовным качествам, разуму и способности любить ближнего»¹⁷. Тем не менее следует признать, что пока существует природное неравенство, несмотря на влияние культуры агрессия всегда будет сопровождать цивилизацию. И все же Фрейд считал, что культуре удалось смягчить природу человека, направив агрессивные порывы на самого себя. «Какими средствами пользуется культура для того, чтобы задержать противостоящую ей агрессию, обезвредить её или, может быть даже, устранить?» – вопрошает он. И приходит к выводу, что культура всё же «побеждает опасные агрессивные страсти путем их ослабления, она обезоруживает их... [но!] оставляет под наблюдением инстанции, находящейся внутри самого этого индивида, наподобие оккупационной власти в побежденном городе»¹⁸. Таким образом, делает вывод Фрейд, освобождая социум от агрессивных побуждений индивида, культура переносит его агрессию вглубь самого себя, причиняя его психике непоправимый урон. Общество становится менее агрессивным за счет того, что оно начинает состоять из законченных невротиков. Возможно, Фрейд прав, возможно, действительно люди, благодаря культурным установ-

¹⁴ Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М.: Республика, 1994. – С. 142.

¹⁵ Фрейд, З. Избранное. – Л.: ОРІ Ltd, 1969. – Т. 1. – С. 300.

¹⁶ Указ. соч. – С. 301.

¹⁷ Фромм, Э. Здоровое общество. – М.: АСТ, 2005. – С. 65.

¹⁸ Фрейд, З. Избранное. – Л.: ОРІ Ltd, 1969. – Т. 1. – С. 310.

кам, стали невротиками, но, с другой стороны, они стали людьми, потому что без культуры человек немислим.

Культура, конечно, так и не справилась с этой, стоявшей перед ней задачей. Количество невротиков, может быть, и возросло, но агрессивности, на всех уровнях, меньше не стало. Культура (или цивилизация) не только не подавили агрессию человека, но и гипертрофированно перевели её в деструктивную форму. Эрих Фромм утверждает, что «менее цивилизованные общества (охотники, собиратели и ранние земледельцы) проявляют меньшую агрессивность, чем более развитые цивилизации»¹⁹. Он также приводит слова австрийского биолога Людвиг фон Бергаланфи, который утверждал, что «самые угрожающие формы агрессивности далеко выходят за рамки проблемы самосохранения и саморазрушения. Они коренятся в собственно человеческой форме жизни (то есть культурной, цивилизованной. – М.К.), которая выше биологической и специфика которой обусловлена способностью к абстрактному мышлению, к созданию собственного символического мира мысли, речи и общения»²⁰.

Не согласиться с этим трудно. Поведение животных крайне целесообразно и инстинктивно. Оно направлено на самосохранение и сохранение рода. Даже, казалось бы, странное поведение муравья, отважно бросающегося на огонь, становится объяснимым с точки зрения сохранения вида: тысячи муравьев, ценой своей жизни, гасят огонь, освобождая дорогу выжившим соплеменникам. У человека всё иначе. Он может выбрать любой путь, как целесообразный для него, так и иррациональный. Именно разум дает возможность убивать там, где тебе ничего не угрожает, получать удовольствие от вида чьих-то мук, пытаться, или «просто» издеваться. Жестокость – проявление иррациональности в жизни людей, и она не только глубоко укоренилась в цивилизованном мире, но и стала неотъемлемой частью цивилизации. В 1942 году Джордж Оруэлл писал: «Недавно я набросал перечень жестокостей, совершенных с 1918 года до сегодняшнего дня; оказалось, каждый год без исключения где-то совершаются жестокости...»²¹

Начиная с XVIII века, цивилизацию в целом рассматривают как идеал прогрессивного развития человечества. Идеи прогресса настолько захватили Европу, что стали чуть ли не объектом поклонения, светской религией, и европейская цивилизация в этом ракурсе выглядела как высшее достижение развития человеческого общества. Но соответствует ли это действительности? Может быть, нет никаких причин считать, что наиболее успешные цивилизации принесли больше пользы для вида *Homo sapiens*, чем менее успешные? И надо не забывать, что история, как и биологическая эволюция, нисколько не заботится об отдельном индивидуе. Историческое развитие общества отнюдь не направлено на процветание людей.

С точки зрения прогресса, может быть, лучше говорить о цивилизации Нового времени, которая, опираясь на его идеи, стала технической. Цивилизация существовала и до того, как идеи прогресса прочно вошли в умы и социальные установки. Но прогресс научно-технический, индустриальный, технологический, информационный, к сожалению, наблюдается на фоне регресса духовного, культурного. Вероятно, именно это стало причиной высказывания Э.-М. Чорана: «Прогресс – это современный синоним грехопадения, мирская версия проклятия»²². Культура призвана сохранять хотя бы некоторые из своих традиций доиндустриальной эпохи и, противодействуя бездуховности технократической цивилизации, формировать нравственный климат общества, его ориентиры и ценности. Но это происходит все меньше и меньше. Учитывая этот процесс, английский критик Фрэнк Реймонд в 1930 году даже выпустил книгу, которую озаглавил «Массовая цивилизация и культура меньшинства». Но, ско-

¹⁹ Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М.: Республика, 1994. – С. 157

²⁰ Цит. по: Фромм, Э. Указ. соч. – С. 163.

²¹ Оруэлл, Дж. Сочинения. В 2-х тт. – Пермь: КАПИК, 1992. – Т. 2. – С. 157.

²² Чоран, Э.-М. Портрет цивилизованного человека // Апокалипсис смысла. – М.: Алгоритм, 2007. – С. 51.

рее всего, не цивилизация как таковая, пусть даже массовая, стала противостоять культуре, а современная *техническая* цивилизация. Парадоксально, но Европа, породившая высочайшую культуру, фактически уничтожает её достижениями (тоже высочайшими) своей технической мысли. Терри Иглтон подчеркивал: «Цивилизация отныне воспринимается как абстрактная, отчужденная, фрагментированная, механистическая, утилитаристская, находящаяся в плену у грубой веры в материальный прогресс; культура – целостная, органичная, чувственная, самоценная, собирательная. Конфликт между культурой и цивилизацией, таким образом, относился к достигшей кульминации размолвке между традицией и современностью»²³. Этот нарастающий конфликт ещё в начале XX столетия почувствовал и Николай Бердяев, который писал: «Всё наше славянофильское сознание было проникнуто враждой не к европейской культуре, а к европейской цивилизации. Тезис, что “Запад гниет”, и означал, что умирает великая европейская культура и торжествует европейская цивилизация, бездушная и безбожная. Хомяков, Достоевский и К. Леонтьев относились с настоящим энтузиазмом к великому прошлому Европы, к этой “стране святых чудес”, к священным её памятникам, к её старым камням. Но старая Европа изменила своему прошлому, отреклась от него. Безрелигиозная мещанская цивилизация победила в ней старую священную культуру»²⁴.

Однозначного определения культуры и цивилизации, как уже было сказано, не существует в силу того, что различные исследователи вкладывают в эти термины разный смысл. Для одних культура и цивилизация суть одно и то же, нерасторжимое и неотделимое. Для других они не тождественны.

Третьи (О. Шпенглер, Г. Маркузе) их противопоставляют, утверждая, что цивилизация – отрицание культуры. А Бердяев даже говорил о современной цивилизации как «смерти духовной культуры – священной и символической – в бездушной технической цивилизации»²⁵. Существуют и ученые, которые утверждают, что отдельных цивилизаций вообще не существует, потому что все локальные образования проходят один и тот же путь. А это дает основание утверждать, что мы имеем дело только с единым общечеловеческим феноменом планетарной цивилизации. Правда, доказательств этому почти нет. Например, Андские цивилизации не знали колеса, лошадей и железа, то есть их цивилизационный путь отличался от того, каким шли другие. Тем не менее отрицать высокий культурный уровень этих цивилизаций невозможно. А вот говорить о том, что локальные цивилизации по некоторым признакам можно объединить в единую суперцивилизацию человечества, вероятно, было бы разумно.

Цивилизации не вечны. Они появляются, переживают периоды подъема и расцвета, а затем деградации и падения. И таких цивилизаций в истории человечества было немало. Почему цивилизации, достигнув пика своего развития, неизбежно разрушаются? Причин много, перечислим только основные. Во-первых, стареющие цивилизации перестают отвечать историческим требованиям, их духовный стержень сжимается и перестает служить опорой, на которой они зиждутся. Во-вторых, с течением времени вырабатывается ресурс – сокращается подпитка новыми, свежими идеями, отвечающими вызовам времени. В-третьих, агрессивная политика цивилизаций, выраженная в бесконечных войнах, экспансии, стремлении к расширению, что имеет следствием снижение способности к сопротивлению, того, что Лев Гумилев называл пассионарностью. И наконец, в-четвертых, это агрессивность других народов и цивилизаций, стремящихся к уничтожению конкурента. Безусловно, это не все причины, но выделить здесь, вероятно, следует агрессивные начала любой цивилизации: стремление к захватам, покорению, получению превосходства, установлению господства над другими народами и цивилизациями с целью получения определенной выгоды. Вероятно, из всего перечислен-

²³ Иглтон, Т. Идея культуры. – М.: ВШЭ, 2012. – С. 22.

²⁴ Бердяев, Н. Смысл истории. – Р.: YMCA-PRESS, 1969. – С. 249.

²⁵ Бердяев, Н. Смысл истории. – Р.: YMCA-PRESS, 1969. – С. 250.

ного главным фактором падения цивилизаций является их агрессивность. Подтверждает это то, что все без исключения цивилизации были и остались агрессивными. Одни из них более удачливы и существовали дольше, другие, начиная экспансию, относительно быстро были низвержены более сильным противником. Но соблазн победить и извлечь из этого вполне осязаемую выгоду постоянно вел вперед отряды воинов, облаченных в разные доспехи, вооруженных различными видами оружия, но влекомых одной идеей: получить добычу. В конце концов, бесконечные войны приводили к истощению моральных и экономических сил определенной цивилизации, и этот надрыв приводил к её падению. Арнольд Тойнби считал, что «территориальная экспансия приводит не к росту, а к распаду [цивилизаций]... территориальные захваты – симптом не социального роста, а социального распада»²⁶. Учитывая историю цивилизаций, с ним трудно не согласиться.

Захват, подчинение, установление господства, контроля над торговыми путями и сырьевыми ресурсами, расширение территории по замыслу завоевателей – казалось бы, неиссякаемый источник процветания и безграничной власти. А на деле это путь к исчезновению, уходу в небытие. Правда, одни поколения этот довольно долгий путь начинают, а другие пожинают горькие плоды безрассудной политики предков. Так было в древности, и то же самое продолжается сегодня. Всё получается по Фрейду: агрессия убивает своего носителя. Разрушительное, деструктивное начало цивилизации (Танатос) истребляет цивилизацию, ставшую на путь покорения другой цивилизации.

В чём тогда смысл такого течения истории? Зачем одни цивилизации разрушаются, другие возникают, уже в зародыше неся в себе смертоносный ген саморазрушения?

Смысл, если его можно найти в хаотичном стремлении к доминированию через разрушение, покорение и истребление, может быть в одном: в обновлении, в рождении нового на обломках старого и, в конечном счете, поступательном продвижении вперед. Так Древний Рим просуществовал целое тысячелетие, создал мощную империю с самой высокоразвитой на время своего падения культурой, – но сошел с арены под влиянием внутренних противоречий и напором варваров, которых презирал и с которыми воевал не одно столетие. «Цивилизация, разрушив свои ценности, рушится вместе с ними и приходит в полный упадок, – пишет Э.-М. Чоран, – и варварство тогда является единственным спасением»²⁷. Варварство вновь воцарилось после падения Рима, и понадобилось почти тысячелетие, чтобы на территории бывшей процветающей империи возникла другая высокоразвитая европейская цивилизация.

Разрушение Рима было, несомненно, шагом назад в мировой истории цивилизаций. Возник хаос, сократилось население, культура пришла в упадок, империя утонула в крови... И хотя захватившие Рим варвары не сумели сразу создать новую цивилизацию на обломках сгнившей империи, от неё отпочковалась другая – Византия, Второй Рим. А через тысячу лет история повторилась, и уже Византия была похоронена молодыми пассионарными турками. И тут ярко просвечивается цивилизационная антропоморфность. Король умер – да здравствует король!

Но почему великие цивилизации, создавшие определенную сильную социальную организацию, нашедшие многие технические решения возникших хозяйственных и военных проблем, постоянно развивавшие свои культуры, экономики, богатевшие материально и духовно, в конце концов, выдыхались и уступали дорогу иногда даже тем, кто стоял на более низкой ступени развития (Рим – варварам)? Почему заканчиваются идеи, стимулирующие дальнейшее их существование? Что мешает продвигаться вперед, совершенствоваться и этим обеспечивать своё дальнейшее существование? Что развращает настолько, что пассионарные в начале пути становятся скудными духом, что, в свою очередь, приводит к коллапсу?

²⁶ Тойнби, А. Постигание истории. – М.: Прогресс, 1991. – С. 218–219.

²⁷ Чоран, Э.-М. Портрет цивилизованного человека // Апокалипсис смысла. – М.: Алгоритм, 2007. – С. 78.

Цивилизация возникает как ответ на определенные потребности разрозненных групп, столкнувшихся с необходимостью решения вставших перед ними задач. Демографический взрыв влечет за собой необходимость более сложной социальной организации. Возникшие новые экономические и социальные отношения, задачи совершенствования управления приводят к созданию всё более сложной иерархической системы, отношениям господства и подчинения, что приводит к всё возрастающему социальному расслоению. Цивилизация и есть определенное социальное устройство, требующее новых идей, воли для их осуществления и силы для преодоления возможного сопротивления. Таким образом, цивилизация – это форма насилия, в основе которого лежат потребности усложняющегося общества, и творческая способность к организации нового. Начало цивилизации – это способность и готовность одних подчинить себе, а других подчиниться. Это свежесть идей, порыв и воодушевление, надежда и... конечно, её несбыточность.

Любое общество, любые его законы несовершенны и в лучшем случае годны только на некотором временном отрезке, только для решения сиюминутных задач (правда, этот «отрезок» может растянуться на века и даже тысячелетие). Если при возникновении новых вызовов общество не может отреагировать немедленно, его развитие замедляет свой темп и постепенно переходит в состояние застоя. А застой неизбежно переходит в регресс, загнивание, и весь накопленный опыт, все имеющиеся достижения не уберегут данную цивилизацию от разрушения, – если не появятся новые идеи, способные перевести данную цивилизацию на новый уровень. «Цивилизации постоянно сбиваются с пути, идут не туда, – утверждает Э.-М. Чоран, – и, наконец, рушатся с упрямым постоянством...»²⁸ Чтобы этого не случилось, нужен новый *logos*, новый импульс развития. Но при его отсутствии толчком к развитию может стать агрессивная экспансия. И цивилизация идет к своему расширению, к решению возникших проблем за счет завоевания ресурсов покоренных народов. Однако такое решение дает только временный эффект (иногда даже длительный), потому что развитие цивилизаций происходит неравномерно, и, в конце концов, более сильная цивилизация поглощает или разрушает ослабевшую.

Но не только другие цивилизации представляют собой опасность для попавшей в тупик. Дикие орды бесстрашных кочевников не раз сокрушали цивилизации, превосходящие их в культурном, интеллектуальном, организационном и даже военном плане. Всё это происходит потому, что внутренние проблемы, переросшие в непреодолимые противоречия, снижают пассионарность, и это влечет за собой не только упадок во всех областях развития данной цивилизации, но и потерю способности к сопротивлению. Так Рим стал жертвой собственных проблем (финансовых, демографических, нравственных и т. д.) и нашествия варваров, которых сами же римляне призывали на службу (а некоторые из них, например, фракиец Максимин, наполовину вандал Стилихон и другие – даже стали римскими императорами). С приходом в Рим варваров, начался процесс его варваризации, римляне сами в какой-то степени на некоторое время стали варварами. В результате тысячелетняя цивилизация ушла в небытие.

Надо также отметить, что переход из состояния варварства к цивилизации не происходит строго по восходящей. Дорога прогресса витиевата и отнюдь не устлана розами. Путь развития цивилизации, подобно описанному В. Гейзенбергом физическому свойству квантовых частиц, имеет принцип неопределенности. В примитивных обществах развитие происходит очень медленно, так как оно опирается больше на традиции, чем на их изменение и совершенствование. Но с накоплением знаний, с изменением социального устройства темпы роста нарастают. От появления первых орудий труда (2,5–1,5 млн лет до н. э.) до освоения огня (1,2 млн лет до н. э.) прошло более миллиона лет. А от появления письменности (середина VI тыс. до н. э.) до изобретения колеса (конец V тыс. до н. э.) только полторы тысячи лет. Все эти проявления творчества человека произвели революцию и оказали огромное влияние на развитие человека. С

²⁸ Чоран, Э.-М. Портрет цивилизованного человека // Апокалипсис смысла. – М.: Алгоритм, 2007. – С. 245.

развитием цивилизации темпы появления новых изобретений и духовных находок постоянно увеличивались. Но когда и какое решение возникающих задач будет найдено сказать невозможно никогда. И чем дальше развивается цивилизация, тем быстрее она находит ответы на постоянно возникающие проблемы. Однако в этом не только преимущество цивилизации, но и её слабость, прежде всего потому, что вследствие своего усложнения она сначала создает проблему, а затем её решает – не всегда успешно.

В основе возникновения цивилизаций лежит объединение нескольких небольших или даже крупных государств на основе схожих культур и необходимости найти способы решения общих проблем, разрешить которые легче и проще сообща. Так, по приблизительным оценкам к III тысячелетию до н. э., в Междуречье возникла цивилизация шумеров, объединившая несколько городов-государств: Урук, Ур, Лагаш и Аккад. Объединенному царству Шумер было легче контролировать торговые пути Древнего мира, связывавшие Персидский залив со Средиземным морем. Но внутренние распри ослабляли эту древнюю цивилизацию. «По мере укрепления власти над окружением, начинается процесс надлома и распада, а не роста, – считал А. Тойнби. – Проявляется это в эскалации внутренних войн. Черета этих войн ведет к надлому, который, усиливаясь, переходит в распад... Прозрение наступает, когда общество, неизлечимо больное, начинает войну против самого себя. Эта война поглощает ресурсы, истощает жизненные силы. Общество начинает пожирать само себя»²⁹. Так было и у шумеров. Воспользовавшиеся их слабостью варварские племена с юга и северных гор пытались уничтожить шумеров для полного или частичного захвата долины и самостоятельного контроля над торговыми путями. В результате, в 2003 году до н. э., Шумерское царство было захвачено эламитами и разрушено. Шумеры были ассимилированы, а через какое-то время был даже забыт их язык. Шумер пал, став жертвой внутреннего надлома и деструктивной внешней агрессии.

Цивилизации возникают в результате агрессивных захватов и распадаются под влиянием центробежных сил внутреннего перенапряжения и/или внешнего натиска. Объединялись египетские земли, Шумер с Аккадом, Ближний Восток под эгидой Ахеменидов; Китай становился Всей Поднебесной; разрозненная Эллада на основе общей культуры и внешней угрозы тех же Ахеменидов, – а Рим, покоривший Элладу, на основе её культуры создал особую греко-римскую цивилизацию. И все эти цивилизации распадались под влиянием других цивилизаций или варваров и, главное, *цивилизационной усталости*. Но стремление одних цивилизаций поглотить другие и установить «сверхцивилизацию» всегда заканчивались провалом и распадом. Испанцы покорили полмира, но ушли со сцены, вытесненные британцами. Англичане были горды тем, что в их империи никогда не заходит солнце, но Британию подкосил распад колониальной системы. А англо-саксонский мир возник, но так и не перерос в специфическую цивилизацию, отличную от западноевропейской, и, может быть, именно это до сих пор спасает его от полного распада.

Разумеется, распадающаяся цивилизация, подчиняясь закону самосохранения, пытается найти выход и такие нестандартные решения, которые могут помочь миновать кризис и сохранить то, что в любой цивилизации является самым главным – свою уникальность, идентичность, своё «Я». В подавляющем числе случаев это приводит к войнам, в результате которых, в лучшем случае, распад можно оттянуть, но не предотвратить. «Все, взявшие меч, мечом погибнут», – говорится в Евангелии (Мф., 26:52). Здесь уместно подчеркнуть слово «все». Все цивилизации, возникающие в результате агрессивных побуждений (меч), от меча приходят к концу своего существования.

В ходе развития молодая цивилизация стремится к расширению, пытаясь подчинить себе всё больше и больше государств и культур, но всегда настает момент, когда наступает перенасыщение. Восточная мудрость говорит: не бери в рот кусок бóльший, чем сможешь прогло-

²⁹ Тойнби, А. Постигание истории. – М.: Прогресс, 1991. – С. 335.

тять. Ни одна цивилизация, на Востоке или на Западе, не следует этим мудрым словам. И сегодня мы наблюдаем тот же процесс, ту же ситуацию, когда «кусочек» оказывается большего размера, чем способности современной западной цивилизации его проглотить и переварить. Последние дни цивилизации, которая сама привела себя к распаду, характерны тем, что, по словам Чорана, появляется «Ностальгия по варварству», и это «последнее слово цивилизации»³⁰. Действительно, ностальгия по далекому варварству на Западе уже появилась в XX веке и самым ярким её проявлением был германский нацизм.

Тойнби выделял 21 цивилизацию, Шпенглер, певец пессимистического взгляда на развитие культуры и цивилизаций, – только 9 «великих» культур. При этом он утверждал, что любая цивилизация на своем завершающем этапе неизбежно несет гибель свою и культуры, на основе которой она возникла. И западная цивилизация, которая, по его мнению, уже стоит на пороге своего распада, ведет к декадансу современной культуры. Это мнение Шпенглер высказал ровно сто лет назад. Интересно, что бы он сказал сегодня, глядя на ускоренный процесс демонстрации высокой европейской культуры.

По теории Шпенглера, каждая культура, в конечном счете, становится цивилизацией. Потому что «цивилизация – неизбежная судьба культуры»³¹, которая есть начало конца и культуры, и самой цивилизации («цивилизация», по Шпенглеру, – кризисный период, завершающая фаза любой культуры). Так на примере античности, сравнивая Древнюю Грецию и Рим, он отмечал, что на смену гуманистической греческой культуре пришла цивилизация Рима. Ведь какими были римляне, по мнению Шпенглера? «Бездушные, далекие от философии, лишенные искусства, с расовыми инстинктами, доходящими до зверства, бесцеремонно считающиеся лишь с реальными успехами, они стоят между эллинской культурой и пустотой»³². Конечно, мягко говоря, преувеличенно. Сенека, Плиний, Овидий, Тацит, Цицерон, Лукреций, Марк Аврелий и многие, многие другие, казалось бы, опровергают это мнение. Но правильно схвачен дух Рима. Захваты и разрушения, миллионы рабов, взгляд на окружающий мир, как на источник ресурсов, необходимых империи, а на саму империю, как на высшее достижение цивилизации. Рим принес практичность вместо духовности, вместо морали – погоню за материальными благами. Деньги стали абсолютной ценностью, лишенной связи с талантом и трудолюбием, – и становится ясно, что именно это привело к закату античной культуры и цивилизации. «Греческая душа и римский интеллект, – поясняет О. Шпенглер, – вот что это такое. Так различаются культура и цивилизация»³³.

Исходя из аналогии, Шпенглер приходит к выводу, что западная культура и цивилизация также не составляют исключения и находятся в фазе упадка, предшествующей распаду. Гибель культур прошлого, согласно Шпенглеру, как бы предрекает Западу его собственную судьбу, его уже недалекое будущее. Именно поэтому его главный труд, наделавший много шума в 1918 году, и отголоски которого слышны и сегодня, называется «Падение Запада» (в русском переводе, изданном в 1993 году, «Закат Европы», или, что звучит намного точнее, с точки зрения замысла Шпенглера, «Закат Западного мира», – в переводе, изданном в 2010-м).

Если Тойнби говорит о надломе цивилизаций, наступающем вследствие экспансии, войн, то у Шпенглера мы находим другой подход. Он ищет причину угасания в интеллектуальном, которое противопоставляет «душевному», внутренний мир человека – внешнему. «Человек культуры живет внутренней жизнью, цивилизованный человек – внешней, в пространстве, среди тел и “фактов”, – утверждает он. – Что один ощущает как судьбу, другой понимает как

³⁰ Чоран, Э.-М. Портрет цивилизованного человека // Апокалипсис смысла. – М.: Алгоритм, 2007. – С. 80.

³¹ Шпенглер, О. Закат Европы. – М.: Мысль, 1993. – Т. 1. – С. 163.

³² Указ. соч. – С. 164.

³³ Там же.

взаимосвязь причины и следствия»³⁴. Такой психологизм и оплакивание культуры ведет, через ложное противопоставление чувственного и рационального, к ложному пониманию хода истории, особенно в плане развития цивилизаций. Внутренний мир человека по мере развития цивилизации тоже развивается и обогащается, но в период упадка цивилизации под напором проблем, которые она не способна решить, угасает и культура. Таким образом, его предположение, что «переоценка всех ценностей – таков сокровеннейший характер *всякой* цивилизации» довольно точно объясняет происходящее в начале XXI века: мы переживаем период турбулентности, который говорит об умирании старой и рождении новой культуры и, на этой основе, новой цивилизации. Цивилизация, продолжает Шпенглер, «начинается с того, что перечеканивает все формы предшествующей культуры, иначе толкует их, иначе ими пользуется. Она ничего уже не порождает, она только дает новые интерпретации»³⁵. Ценности цивилизации создаются культурой, и в её рамках получают развитие новые формы, находят другие ответы на возникающие вызовы. Но не бесконечно, – и в этом Шпенглер прав. Цивилизации (а вместе с ними и культуры) по тем или иным причинам истощаются, теряют способность к сопротивлению, креативность, и именно эти причины ведут к их распаду.

Цивилизация – это умирание созидательного духовного творчества, замена его практицизмом. В искусстве это выражается в быстрой смене входящих в моду стилей, это китч и эпатаж. В политике это господство выскочек, в социальных отношениях – Машина, космополитизм, победа мегаполисов над деревенским ландшафтом. Таким образом, глубокий кризис цивилизации представляет собой, согласно Шпенглеру, предвестник неизбежной смерти любой изжившей себя культуры.

Но, может быть, не стоит вслед за Шпенглером обвинять во всех человеческих грехах только цивилизацию. Если рассматривать цивилизацию как особый вид социального устройства, способ существования общества с присущим ему политическим устройством, нашедшем своё воплощение в государственных, правовых, социальных и иных институтах, то надо признать, что не только она не отвечает интересам большинства людей. Цивилизация, так же как дикость и варварство, всегда знала угнетение, эксплуатацию, несправедливость и отсутствие равенства. В этом смысле Шпенглер опять прав: цивилизация есть не развитие культуры (которая, возможно, могла бы продолжать развиваться и вне цивилизации), а её – не самая лучшая часть – надстройка. Тем не менее для современного человека, считает Эмиль-Мишель Чоран, «цивилизация, дело его рук, его навязчивая идея, предстает перед ним как наказание, которое он сам для себя изобрел и через которое хотел бы заставить пройти тех, кто до сих пор оставался в стороне»³⁶.

В то же время нельзя сказать, что цивилизации истощаются только потому, что сталкиваются с множеством проблем, ответы на которые необходимо найти мгновенно. Пока они обладают необходимой пассионарностью, они продолжают развиваться. Их развитие продолжается тогда, когда, найдя достойный ответ на один вызов, они переходят к другому и опять находят адекватный ответ. Так может происходить очень долго (Тойнби утверждал, что до 1000 лет и примеры тому есть – Рим, Византия), но это не означает, что цивилизации могут существовать бесконечно долго. Наступает момент, когда потерявшее способность к сопротивлению и обновлению общество переходит в состояние истощенности, безвольности и застоя, перерождающееся в упадок и хаос. Такую цивилизацию спасти уже нельзя, она гибнет, хороня под своими обломками породившую её культуру, которую иногда можно попытаться реанимировать (хотя бы частично, как это было с античной культурой), но цивилизацию – никогда. А что касается западной цивилизации, то Шпенглер даже указывает примерные сроки её падения:

³⁴ Шпенглер, О. Закат Европы. – М.: Мысль, 1993. – Т. 1. – С. 539.

³⁵ Шпенглер, О. Закат Европы. – М.: Мысль, 1993. – Т. 1. – С. 537.

³⁶ Чоран, Э.-М. Портрет цивилизованного человека // Апокалипсис смысла. – М.: Алгоритм, 2007. – С. 46.

«В нашем случае срок её [цивилизации] отведен после 2000 года»³⁷. Слово «после», однако, наводит достаточно много тумана, ведь и 3 тысячи идут после 2-х тысяч...

Согласно Тойнби, как уже было сказано, причиной гибели цивилизаций является, прежде всего, агрессивность, стремление к расширению, утверждению своего «совершенства» по всему пространству ойкумены, и сопутствующая этому процессу милитаризация общества. Это ведет к истощению ресурсов, как экономических, так и интеллектуальных. Элита теряет своё главное качество: находить ответы на увеличивающиеся и учащающиеся вызовы, и перестает быть ведущей силой общества. Она становится правящей верхушкой, облеченной властью, но лишенной способности вести за собой массы. В этой ситуации любая сила, способная вывести цивилизацию из состояния равновесия, приводит к потере элитой, ставшей уже только формальной, власти, и вскоре эта цивилизация рассыпается как картонный домик.

Но ценность цивилизаций в том, что, задолго до своей гибели, они создают условия, при которых происходят взаимодействие и взаимное обогащение культур. Цивилизация становится как бы проводником своей культуры и дает ей возможность хотя бы частично продолжить свою жизнь в чужой культуре. «У каждой культуры своя цивилизация»³⁸, – считает Шпенглер, и каждая культура, пережив свою цивилизацию, оставляет следы. Шумер создал такое социополитическое образование как город-государство, а также первые правовые документы, и они, возможно, легли в основу структуры и письменного законодательства Древней Греции и Рима. Древняя Греция и Рим, в свою очередь, оставили Европе богатейшую философию, литературу и искусство, а также Римское право, Иудея – монотеистические иудаизм и христианство, а Византия, сохранив достижения высокой греко-римской культуры, дала Восточной Европе православную религию и т. д.

Цивилизации приходят и уходят, но на своих развалинах они оставляют частички своей квинтэссенции – культуры. Исходя из этого, возникает логичный вопрос: что оставит после себя западная цивилизация, когда ей придется уйти с исторической арены? Что передаст другим культурам культура европейская? Способна ли она будет влить новую кровь другим цивилизациям, как это сделала древнегреческая, откликнувшись через почти две тысячи лет в европейском Возрождении?

В последующих главах мы постараемся показать состояние современной западной цивилизации, продолжающей оказывать (пока) решающее влияние на весь мир.

³⁷ Шпенглер, О. Закат Европы. – М.: Мысль, 1993. – Т. 1. – С. 538.

³⁸ Шпенглер, О. Закат Европы. – М.: Мысль, 1993. – Т. 1. – С. 163.

Глава II

Деградация культуры

Традиция – это передача огня, а не поклонение пеплу
Густав Малер

Культуру часто противопоставляют естественному состоянию человека. Действительно, жизнь в культуре означает выход из единения с природой, поскольку предполагает воздействие на неё, окультуривание. Мы не можем точно узнать о причинах возникновения культуры. Существует не одна гипотеза и даже теория её возникновения, но, может быть, наиболее близкой к истине является та, которая говорит о частичной утрате гоминидами естественных инстинктов, присущих животным. «Отступление от инстинкта и противопоставление ему себя образует сознание, – считал Карл Густав Юнг. – Инстинкт представляет собой природу и жаждет природы. Сознание, напротив, может желать только культуры или её отрицания»³⁹. Ослабление инстинктов может быть связано с тем периодом, когда прачеловек перешел к стадному существованию. Вероятно, существование в стаде привело к господству промискуитета – неупорядоченным половым отношениям в ограниченной группе (стаде), что вело к вырождению и утрате здоровых инстинктов. Происходившие мутации и стремление выжить вели к подражанию тем животным, неповрежденный инстинкт которых был образцом поведения, увеличивающего вероятность выживания. (Об особой способности человека к подражанию говорил ещё Аристотель: «люди тем ведь и отличаются от остальных существ, что склоннее всех к подражанию, и даже первые познания приобретают путем подражания»⁴⁰. Современная наука подтверждает это: в мозге обнаружены так называемые зеркальные нейроны, которые, как считают некоторые ученые, отвечают за подражательство. По аналогии происходило то, что Тойнби называл «Вызов – Ответ».) Утрата инстинктов была вызовом, подражание через запоминание становилось первичным «ответом». Но имитируя утраченные связи с природой, прачеловек уходил от неё всё дальше, начинал придумывать тогда, когда прямое подражание не приносило пользы или становилось невозможным. Он создавал свою «вторую», искусственную природу – культуру. Таким образом, экзистенциальный кризис прачеловека привел к появлению уникального явления, равного которому нет в природе – культуры. То есть культура родилась в кризисе, и кризис стал её постоянным спутником.

Этот процесс аллегорически описан в Библии: съедение запретного плода познания и есть момент появления разума и начала создания культуры, а последовавшее изгнание из рая – отчуждение от природы и переход к творчеству и труду, страданиям и фрейдovým неврозам.

Развитие культуры привело к двум другим феноменам: разделению труда и возникновению собственности (которая впоследствии разделилась на личную и частную). То есть собственность есть порождение культуры, а не цивилизации. Может быть, именно поэтому в тех случаях, когда та или иная цивилизация гибла, собственность – как часть культуры – продолжала существовать. Конечно, попытки присвоить и сохранить что-либо существуют и у животных (птицы и некоторые насекомые охраняют своё гнездо, собаки «метят» территорию и т. д.), но только человек ещё в древности начал присваивать ему не принадлежащее сознательно, а не подчиняясь инстинкту. Собственность – одно из самых древних и ярких проявлений творчества, создававшихся человеком в ареале его культуры. И именно собственность предпопре-

³⁹ Юнг, К. Г. Проблемы души нашего времени. – М.: Прогресс, 1996. – С. 186.

⁴⁰ Аристотель. Сочинения. В 4-х тт. – М.: Мысль, 1984. – Т. 4. – С. 648.

делила последующие кризисы: как в экономике, политике, идеологии, так и – опосредованно – в самой культуре.

Возникнув, культура продолжила своё постепенное развитие, усложняясь и восполняя потребности человека. Она заменяла утрачиваемые инстинкты, которые начинали её уничтожаться. «Как только жизнь возвысилась над чисто животным состоянием до некоторой духовности, – писал Георг Зиммель, – а дух, в свою очередь, поднялся до состояния культуры, в ней обнаружился внутренний конфликт, нарастание и разрешение которого есть путь обновления всей культуры»⁴¹. В то же время культура, вытесняя инстинкт и вступая в противоречие с изначальной природой человека, порождает внутренний конфликт, который Фрейд обозначил как невроз. Вместе с тем культура становилась условием, так сказать, «средой» возникновения труда, где примитивная мысль, логос, вела к творчеству, т. е. созданию внеприродного, искусственного – сначала примитивных орудий, а затем и первобытного искусства. Так как продукты труда имели очевидные преимущества, труд стал необходимостью, а затем просто имманентным человеку, его естественным состоянием. Культура дала человеку шанс на выживание и, даже не сознавая этого, он продолжил её развитие. Вместе с тем, эволюция культуры, её усложнение в меняющихся условиях неизбежно вела её к кризисам.

Кризис культуры наступает, как указывал ещё Питирим Сорокин, при смене одной формы культуры другой. Так, переход от каменного века к медному, а затем к бронзовому, представлял собой переход от прямой обработки камня к освоению металла. Последнее требовало творческой мысли и новых навыков – ведь в природе готовый металл не встречается. Медь, а затем бронза вытеснили каменные орудия, что можно выделить как первый кризис в истории материальной культуры, сопровождавший, через замену старого способа производства новым, смену одних материалов другими, что привело к существенным изменениям в самой материальной культуре, а также социальной жизни. То же самое происходило и в культуре нематериальной: наскальная живопись уступила место изделиям из сплавов с орнаментом и изображениями животных и людей. Здесь ярко прослеживается приход нового, сопровождаемый умиранием старого, существовавшего тысячелетиями. Это и есть кризис культуры: открытия в металлургии привели к отказу от культуры каменного века и переходу на более высокую ступень развития периода освоения металлов. Фактически этот взрывной переход к металлу привел к появлению городов и цивилизации – через кризис культуры к началу цивилизованного периода существования человечества. Цивилизация и культура стали существовать настолько близко, что впоследствии все точки кризиса они проходили вместе.

Одной из главных характеристик культуры являются приоритеты – набор тех ценностей, которые определяют эпоху. Это могут быть искусства и философия, как в Афинах, власть и экспансия, как в Риме, Бог и служение Ему в Средневековой Европе, прогресс в Европе Нового времени или деньги в Соединенных Штатах Америки (Джон Дьюи, например, писал, что «наша американская культура в значительной степени культура финансовая»)⁴². Впрочем, особое отношение к деньгам присутствует ещё с античных времен, а в США оно просто нашло своё самое яркое выражение. Надо подчеркнуть, что именно буржуа сделали деньги объектом поклонения, фетишем, наделенным магической силой. Деньги стали накапливать ради них самих, они превратились в самоцель, источник удовлетворения и смысл жизни. Деньги появились в культуре, но отделились от неё и стали её антиподом. И как кто-то метко заметил, придут буржуа и культуру затопчут. Дальнейшее показало, насколько это оказалось справедливым замечанием: пришли и уже почти затоптали. Наука, производство, техника, а зачастую и искус-

⁴¹ Зиммель, Г. Избранное. В 2-х тт. – М.: Юрист, 1996. – Т. 1. – С. 494.

⁴² Дьюи, Дж. Свобода и культура. – Л.: ОЛП, 1968. – С. 38.

ства стали отделяться от культуры и даже противостоять ей. Особенно это стало заметно в Новейшее время. Но чему удивляться в мире, в котором «порвалась дней связующая нить»? ⁴³

Если культура в начале своего развития была формой создания материальных ценностей, то в дальнейшем она стала источником ценностей духовных.

Культура представляет собой как бы узел связи, который координирует взаимодействие различных проявлений человеческого бытия в определенный исторический период. Вряд ли можно представить античную культуру при машинном производстве, так же как невозможно сосуществование импрессионизма и компьютеризации. Если Карл Маркс говорил о соответствии способа производства и производственных отношений, то можно утверждать, что определенной материальной культуре должна соответствовать и специфическая духовная. И, соответственно, кризис материальной культуры, выражающийся в переходе от одного общественного уклада к другому, сопровождается кризисом духовным. А кризис культуры неизбежно порождает кризис цивилизационный, т. е. кризис всех сфер и проявлений человеческого бытия. Однако Шпенглер считал, что именно кризис цивилизации приводит к смерти культуры, но это представляется слишком драматичным выводом. Духовная культура может плавно перетекать из одного своего проявления в другое, иногда даже в свою противоположность, в антикультуру. И в этом отличие культуры от цивилизации: последняя развивается скачкообразно, дискретно, она умирает, но тут же может воскреснуть в другом обличье. Или умирает, оставив после себя памятники, которые, как творения греков, смогут ещё долго оказывать влияние на другие цивилизации. Упадок культуры, её закат, по Шпенглеру, наступает на стадии цивилизации. Именно тогда в обществе начинают преобладать, господствовать рациональность, прагматизм, власть денег во всех проявлениях человеческого бытия. Наступает время, когда политика становится определяющим видом деятельности, а деньги, наряду с оружием, главным инструментом её осуществления. Для культуры, по его мнению, в целом характерна высокая духовность, а цивилизация означает своего рода деградацию духа, уход от её истоков. Многие из того, о чём думал Шпенглер, находят своё отражение в наше время.

Развитие культуры – это движение, но оно не всегда идет вперед, по восходящей. Так в Древней Греции вторжение дорийцев привело к упадку культуры ахейцев на целых пять веков, а после разрушения Рима в средневековой Европе настали «темные века». Развитие культуры идет нелинейно и те зигзаги, которые делает история, иногда пагубно сказываются на культуре. Но это неизбежный процесс. Взлеты и падения характерны не только для социумов, государств, цивилизаций, но и для культуры, развитие которой зависит от тех образований, которые она же и породила. В целом культура динамична, но когда она исчерпывает свои возможности, когда перестает соответствовать своему времени, развитию общественных отношений, начинается застой и она переживает очередной кризис, преодолев который обновляется и идет дальше. Или погибает.

Глубокий кризис общества затрагивает все сферы, все связи цивилизационных и культурных процессов. Но, разрушая определенные сложившиеся устои, кризис создает предпосылки для обновления, появления новых форм и новых ценностей культуры. Вероятно, это имел в виду Питирим Сорокин, который в начале XX века писал: «Многие ценности современной культуры... едва [ли] заслуживают того, чтобы за них бороться. Большая часть их уже умерла и только ожидает приличествующего захоронения. Их исчезновение скорее благо, чем потеря для человечества; скорее освобождение культуры от яда, чем её обнищание» ⁴⁴. Такого же мнения придерживался и Ортега-и-Гассет: «Не знаю почему, но слово “кризис” всегда ассоциируется с чем-то очень грустным. А ведь кризис – это глубокое, интенсивное изменение: он

⁴³ Шекспир, У. Гамлет. – М.: Художественная литература, 1964. – С. 61.

⁴⁴ Сорокин, П. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – С. 434.

может также знаменовать собой и начало лучших времен...»⁴⁵ Без кризиса, как это ни парадоксально, культура, во всех своих проявлениях, может застыть как картинка, и, лишенная динамической составляющей, погибнуть. А гибель культуры означает и исчезновение её носителя, человека, потому как без культуры человека нет.

Культура – порождение человека, и она же его хранитель. Уничтожить её – значит вернуться, в лучшем случае, в состояние дикости со всеми вытекающими последствиями. Таким образом, кризис культуры так же необходим, как стирка белья: без этого оно быстро приходит в негодность и отправляется на свалку. Весь вопрос в том, что, принимая кризис культуры за данность и объективную необходимость, невозможно предсказать, что будет с культурой, когда кризис закончится. «Непредсказуемость – изменение, реализуемое в порядке взрыва»⁴⁶, – считал Юрий Лотман. Изменения в культуре в момент кризиса действительно носят взрывной характер, и поэтому они непредсказуемы. Какой будет её форма? Какими будут идеи? Какими духовными ценностями будет руководствоваться общество? Ответы на эти вопросы приходят позже, когда наступает время стабилизации.

Каждой эпохе присуща своя особенная культура, со своими идеями, средствами выражения, своим уровнем развития, своими богами и кумирами. У греков это была идея бытия, воплощенная в пантеизме, пластических формах и сценических образах. После кризиса, вызванного падением Рима, на средневековом Западе воцарилась идея Единого вседержителя, единой строгой морали, целью которой было свободное подчинение воплощению вселенского Добра, тем не менее карающего заслушание. Плавное, почти невидимое перетекание культурной парадигмы к постулатам Возрождения привело к другой культуре, обожествлявшей Природу, но не отрицавшей Бога. Естественность во всех своих проявлениях ставилась во главу угла, и это привело как к великим достижениям в искусстве, так и к абсолютному цинизму (Макиавелли, Борджиа).

Переход к Новому времени также сопровождался кризисом как цивилизации, так и культуры. Состоявшееся накопление капитала, перспективы развития производства, сдерживаемые устаревшими политическими и социальными отношениями, с неотвратимой неизбежностью вели к переменам в обществе. Революции в Нидерландах, Америке, Франции и Англии несли с собой общественные изменения, новый дух предприимчивого, нагловатого, меркантильного и не очень образованного человека – дух капитализма. «За каждым новым переворотом стоял совершенно новый, вполне определенный идеал – освобождение личности, господство разума над жизнью, прогресс человечества на пути к счастью и совершенству, – так видел цели общества этого времени Георг Зиммель. – А из этого идеала возникали очертания новых, подспудно подготовленных к появлению новых форм»⁴⁷. Кризис феодальных отношений привел к смене отношений как на политическом уровне, так и в экономике и культуре. На историческую сцену вышел буржуа с его безграничным стремлением к обогащению, индивидуализмом, т. е. прикрытым красивыми лозунгами эгоизмом. Культура, не материальная, а духовная, тоже не могла не измениться.

XVI (Нидерланды) и XVII (Англия) века обозначили грядущий переворот не только в экономике, но и в духовной сфере. Идеи просвещения окончательно нарушили равновесие божественного и человеческого. Духовно они подготовили Европу к великому политическому кризису и экономическому и культурному перевороту. Человек, развивая каноны Возрождения, через Просвещение начал отрицать свою ничтожность и величие Бога.

В прекрасном XIX веке Европа полыхала, а Латинская Америка освобождалась от пут Испании, Англии, Франции и Португалии. Стремление к свободе стало всеобщим и казалось,

⁴⁵ *Ортега-и-Гассет, Х.* Почему мы вновь пришли к философии? // Дегуманизация искусства. – М.: Радуга, 1991. – С. 25.

⁴⁶ *Лотман, Ю.* Культура и взрыв. – М.: Гнозис, 1992. – С. 17.

⁴⁷ *Зиммель, Г.* Избранное. В 2-х тт. – М.: Юрист, 1996. – Т. 1. – С. 496–497.

что освобождение человека близко, и оно выведет людей на дорогу, ведущую к светлому будущему. Получилось всё с точностью до наоборот – порабощение масс стало ещё более бесчеловечным. И это вызвало переворот в культуре. «Весь XIX век при разнообразии своих духовных движений, – писал Зиммель, – не выдвинул... всеобъемлющей, господствующей идеи. Ограничиваясь исключительно человеком, XIX век создал понятие общества как подлинную реальность жизни, а индивид стал рассматриваться как простой продукт скрещения социальных сил или как фикция, подобная атому. С другой стороны, именно теперь выдвигается требование растворения личности в обществе, так как подчинение ему есть нечто абсолютное, заключающее в себе нравственное и всякое иное долженствование»⁴⁸. То есть в результате кризиса XVIII–XIX вв. возникла новая культурная парадигма, и очередной перелом наступил в XX веке, точнее с началом Первой мировой войны.

Современный кризис культуры начался со сменой уклада жизни. Аристократы, бюрократы и ремесленники составляли в XVIII веке незначительную часть населения. Но, начиная с XIX века, всё больше появлялось работников по найму, которым Маркс прочил светлое будущее: власть, досуг, материальные блага и творческую деятельность. Он думал, что рабочие, став большинством, получают всё. Но оказалось иначе: после определенной точки перегиба автоматизация привела к сокращению числа рабочих и крестьян, и возрастанию бюрократов и тех, кто работает в сфере услуг. Рабочие получили (в Европе и Америке) многое, но никак не власть. Впрочем, она оказалась им и не нужна, достаточным стал уровень жизни и досуг, с которым, как выяснилось, вопреки Марксу, они не знают, что делать. Культура явно отстала от технического и экономического прогресса. И политический и социально-экономический кризис открыл шлюзы для кризиса в культуре.

1914 год принес с собой крах более или менее устойчивого мира в Европе и потребовал изменения всех устоев XIX века. «Во многих странах люди забыли, что такое процветание и благополучие, – писал П. Сорокин, – свобода превратилась просто в некий миф. Солнце западной культуры закатилось. Громадный вихрь накрыл собой всё человечество. <...> Это – кризис искусства и науки, философии и религии, права и морали, образа жизни и нравов. Это – кризис форм социальной, политической и экономической организаций, включая формы брака и семьи. Короче говоря, это – кризис почти всей жизни, образа мыслей и поведения, присущих западному обществу. Если быть более точным, этот кризис заключается в распаде основополагающих форм западной культуры и общества последних четырех столетий»⁴⁹. Такой процесс, однако, вполне естественен: культура всегда старается старые свои формы вытеснить новыми. Но что послужило причиной такого резкого изменения во всех областях духовной жизни Европы (т. е. западного общества) с приходом Нового времени?

Изменился дух. Получившие власть в XVI–XIX вв. буржуа, были неспособны в одиночку изменить духовную жизнь. Инерция и стремление подражать прежним властителям, желание филистера почувствовать себя аристократом, «мещанином во дворянстве», его страсть к наживе, духовная убогость и распирающее ощущение обладания властью привели к обуржуазиванию большинства интеллектуалов, начавших проповедовать индивидуализм. Ложные идеи свободы, равенства, братства (ложные потому, что были лишь завесой, которая прикрывала новое угнетение, а формальная свобода атомизировала общество) стали причиной духовного застоя, породили бесплодные надежды и глубокое разочарование. Причина кроется в том, что свобода в западном обществе основана (как это стараются преподнести его апологеты) не на моральных принципах либерализма, провозглашаемом гуманизме или этических принципах тех или иных философов, а на имманентно присущих капитализму началах. Свобода (точнее, ощущение свободы) способствует социальной стабильности в условиях высокого уровня

⁴⁸ Зиммель, Г. Избранное. В 2-х тт. – М.: Юрист, 1996. – Т. 1. – С. 498.

⁴⁹ Сорокин, П. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – С. 429.

жизни, доступного образования, развития высоких технологий и массовых коммуникаций. Свобода творчества, особенно в научных исследованиях и технологических разработках, при перетекании капитала и возможности частной инициативы создают прочный фундамент существующей модели экономического и политического устройства. Однако за последнее время эта основа становится всё более шаткой, а угрозы свободе все более реальными. Возникает законный вопрос: почему?

Формирование новых идеалов, нового духа началось лишь в конце XIX века после окончательной победы Буржуа над Аристократом. Обновление, в том числе духовное, стало настолько же необходимым, как и неизбежным. Однако это не дало ожидаемых результатов. Культ денег всё больше и больше вытеснял свежесть мысли, а войны, революции и возникшие диктатуры привели к краху надежд.

Изменившийся дух привел к потере ценностей старого мира, а новые вели, скорее, к нигилизму, чем к приведению в соответствие духа и реалий XX века. Ведь, как очень точно выразился Георг Зиммель, «в каждой большой эпохе, имеющей свои типичные черты, можно уловить одну центральную идею, из которой проистекают все её духовные движения, и которая как будто является их конечной целью»⁵⁰. То есть такая идея является основой всех ценностей какого-либо общества. А её порождает «Тип культуры... исторически сложившаяся совокупность ценностей, норм, идеалов, образующих... устойчивое “ядро” культуры общества... <...> Капитализм определен именно этим “ядром” или “культурным кодом”...»⁵¹ Эту мысль разделял и Сорокин. «Именно ценность, – утверждал он, – служит основой и фундаментом всякой культуры»⁵².

Но что лежало в основе европейской культуры, ее духовности? Что было тем объединяющим универсумом, который сделал Европу единой духовно – несмотря на все политические разногласия, приведшие к многочисленным войнам?

Ответ дал Томас Эллиот: «Главный фактор в создании общей культуры народов, каждый из которых имеет собственную самобытную культуру, – религия». И пояснил далее: «Именно в христианстве развились наши искусства; именно в христианстве коренилось – до самого последнего времени – европейское право. Именно в плане христианства обретает значение всё наше мышление... Уйдет христианство – уйдет и вся наша культура»⁵³. Эллиот написал эти слова свыше 70 лет назад, но они оказались пророческими. Европейская культура постепенно уходит, уходит вместе с породившим её христианством.

Начиная с Первой мировой войны, европейская культура переживает глубокий кризис. Но предпосылки его появились задолго до этого, в XVII веке. Вольтер и Гольбах, французские мыслители эпохи Просвещения подготовили почву для секуляризации европейского общества. Великая французская революция, кровавая и жестокая, сопровождалась разрушением и разграблением церквей, уничтожением старых моральных устоев, общественного порядка, заменой религии культом Разума и Прогресса. «Разум», однако, зашел так далеко, что пришлось реставрировать власть, создавать империю, вернуть бежавших священников и вновь открыть церкви. Но уход от христианства и его культуры всё равно продолжился, хотя и на малых оборотах. Однако настоящая дехристианизация Европы была ещё впереди.

В XIX веке очередной удар по религии, следовательно, и по европейской культуре нанесли Фридрих Ницше, Артур Шопенгауэр, Карл Маркс и Чарльз Дарвин. Их атеистическая позиция расшатывала устои европейского общества, – отвергая Бога (Ницше говорил, что «Бог умер»), они отвергали сложившуюся за многие века мораль, взгляд на человека как

⁵⁰ Зиммель, Г. Избранное. В 2-х тт. – М.: Юрист, 1996. – Т. 1. – С. 497.

⁵¹ Каиттор, К. История против прогресса. – М.: Наука, 1992. – С. 53.

⁵² Сорокин, П. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – С. 429.

⁵³ Эллиот, Т. К определению понятия культуры. – Л.: ОЛП, 1968. – С. 158.

творение Божье и следование Его заветам. На смену шли прагматизм, утилитаризм, светское обоснование эгоизма. Отнимая у человека его божественную природу, ему оставляли тварность, его заставляли себя ощущать и, главное, быть простым или не очень простым сгустком материи. А это потребовало новой этики, других отношений – как между индивидами, так и между общественными группами. Если до этого Бог был всё, Абсолют, а человек, как создание Божие, почти всё, то в новой трактовке Природа, заменившая Бога, стала Всем, а человек, её покоряющий... – чем является человек, в этой парадигме пока непонятно. Но, как заметил тот же Элиот, «...нет культуры, не возникшей и не развивавшейся вне религии: культура, в зависимости от точки зрения, порождение религии, либо религия – порождение культуры»⁵⁴. Изымая из культуры религию, её (культуру) лишали фундамента, на котором она зиждется, и, как следствие, продолжилась деградация культуры, вступившей в стадию глубокого кризиса. А это влекло большие изменения как в сознании людей, так и в общественных отношениях, и в культуре в целом.

В поздних работах Георга Зиммеля (начало XX века) утверждалось, что культура, воплощая себя в явлениях и формах, вследствие их несовершенства переходит в борьбу против всякой формы вообще, а значит в борьбу против культуры как таковой. По его мнению, «моралисты, ценители старого доброго времени, люди строгого ощущения стиля по сути совершенно правы, жалуясь на прогрессирующую “бесформенность” современной жизни»⁵⁵. Слом старых представлений набирал темп, и последней каплей, вернее снарядом, в разрушении сложившихся отношений в европейской цивилизации стала Первая мировая война. Культура при этом тоже дала трещину. Трещину, которая могла перерасти в пропасть. А как считал Элиот, «распад культуры – это наиболее радикальный распад, который может постигнуть общество... распад культуры – распад наиболее серьёзный и наиболее трудно поддающийся восстановлению»⁵⁶.

Осознание нарастающего кризиса культуры пришло сразу после окончания Первой мировой войны. Освальд Шпенглер высказал мысль о том, что цивилизация стала излишне рациональной, что ведет к деградации духовных ценностей и культуры в целом, что может привести к духовному вырождению и краху западной цивилизации. А Макс Вебер напротив, считал, что в XX веке пришла универсальная рациональность, и поэтому оценивать европейскую культуру прежними мерками уже нельзя. Она трансформировалась, – что совсем не говорит о её предстоящей гибели. Интересна и мысль, высказанная Жилем Липовецки: «Более ста лет капитализм раздираем глубоким, откровенным кризисом культуры, который можно обозначить одним словом – модернизм (представляющий собой новую художественную логику, основанную на распрях и перерывах в развитии, подчеркивающую отрицание традиций и культ новизны и перемен)»⁵⁷. Кто из них был прав? Но вот и Питирим Сорокин, правда, спустя два десятилетия (1937 г.) добавил свою долю пессимизма: «все важнейшие аспекты жизни, уклада и культуры западного общества переживают серьёзный кризис... Больны плоть и дух западного общества, и едва ли на его теле найдется хотя бы одно здоровое место или нормально функционирующая нервная ткань»⁵⁸. Довольно мрачно, но надо не забывать, что написано это было после Первой мировой войны и перед надвигающейся Второй.

Первая мировая и то, что за ней последовало, вызвали огромные перемены в европейской культуре. Эта война привела к разорению Европы, и, как следствие, к росту революционного движения. Революции прошли в России, Германии, Венгрии, Египте, Монголии, Китае, Португалии. Массовые волнения в 1920–1930-х гг. проходили в Великобритании, Франции,

⁵⁴ Элиот, Т. К определению понятия культуры. – Л.: ОЛП, 1968. – С. 35.

⁵⁵ Зиммель, Г. Избранное. В 2-х тт. – М.: Юрист, 1996. – Т. 1. – С. 496.

⁵⁶ Элиот, Т. К определению понятия культуры. – Л.: ОЛП, 1968. – С. 47.

⁵⁷ Липовецки, Ж. Эра пустоты. – СПб: Владимир Даль, 2001. – С. 122.

⁵⁸ Сорокин, П. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – С. 427.

Австрии и других странах. Безработица, голод, разруха – вот результат этой войны. Можно ли удивляться, что необыкновенно популярным стало полотно, написанное ещё в конце XIX века Эдвардом Мунком, – «Крик»? Это крик отчаяния, крик ужаса, одиночества, крик больной души человека больного общества. Крик предчувствия страшной трагедии, которая случилась всего через пару десятков лет. Экспрессионизм закономерно вытеснил импрессионизм. Всё стало другим.

По-другому стало и в Соединенных Штатах Америки, где не было ни разрухи, ни голода, где, по выражению Патрика Бьюкенена, началась «эпоха секса, выпивки и джаза»⁵⁹. Толпы американских туристов ринулись в ведущие европейские столицы, неся с собой доллары, свои обычаи и всё тот же джаз – порождение американского процветания⁶⁰. Но не прошло и десятилетия, и оно рухнуло – пришла Великая депрессия. А в Италии уже правили фашисты, в Германии появились нацисты. Могло ли это не отразиться на культуре?

Сорокин понял, почувствовал, что надвигается что-то гораздо более ужасное, чем даже Великая война, как тогда на Западе называли Первую мировую. Всего лишь через четыре года, после приведенных выше строк, родились другие, более точные: «Мы живем и действуем в один из поворотных моментов человеческой истории, когда *одна форма культуры и общества... исчезает, а другая форма лишь появляется*. Кризис чрезвычайен в том смысле, что он, как и его предшественники, отмечен необычайным взрывом войн, революций, анархии и кровопролитий; социальным, моральным, экономическим и интеллектуальным хаосом; возрождением отвратительной жестокости, временным разрушением больших и малых ценностей человечества; нищетой и страданием миллионов – потрясениями значительно большими, чем хаос и разложение обычного кризиса»⁶¹. Эти строки были написаны уже в 1941 году, в разгар Второй мировой войны, которая затмила все ужасы Первой, до этого казавшейся апофеозом варварства и бесчеловечности. Да, это было время разрушения всех ценностей западного общества, а ведь ценности – это то, что составляет ядро всякой духовной культуры. Но Сорокин понимал: «Ни одна из форм культуры не беспредельна в своих созидательных возможностях, они всегда ограничены... [переход к другой, новой сопровождается] острой болью рождения новой формы культуры, родовыми муками, сопутствующими высвобождению новых созидательных сил. <...> Когда наступает этот момент, она начинает постепенно разрушаться и вовсе исчезает. Так случалось несколько раз в истории основных культур прошлого; то же происходит и сейчас с нашей чувственной формой, вступившей нынче в период своего заката. Таков масштаб сегодняшнего кризиса»⁶².

Первая мировая стала следствием самого масштабного на тот момент кризиса европейской цивилизации. Он носил политический, экономический (конкурентная борьба ведущих промышленных – они же колониальные – держав) и социальный характер и не мог не отразиться на культурном развитии. Если кризис рассматривать как потерю определенного равновесия со стремлением перехода к новой форме равновесия на основе создания других социально-экономических и политических отношений, то понятно, что такой кризис не мог не отразиться на культуре, причём во всех её проявлениях. Музыка, литература, пластические искусства, живопись, театр, архитектура – всё пришло в движение и требовало обновления. Другие формы, другой стиль, другие символы и способы передачи мысли и чувства стали появляться всё больше и больше.

Еще в конце XIX века появились новые типы художественных произведений. На смену «благородным» представителям правящего класса пришли лицемеры, мошенники, прости-

⁵⁹ Бьюкенен, П. Смерть Запада. – М.: АСТ, 2004. – С. 135.

⁶⁰ Эпоха «процветания» (от англ. prosperity – «процветание»), характеризующаяся экономическим подъемом и ростом потребительских настроений обществе, продолжалась в США с начала 1920-х гг. вплоть до Великой депрессии. – Прим. ред.

⁶¹ Сорокин, П. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – С. 431–432.

⁶² Сорокин, П. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – С. 433, 435.

тутки, преступники и даже сумасшедшие. Появились также и люди труда – рабочие, крестьяне, учителя и т. д. Романтизм сменил реализм и даже натурализм, изменились манеры, способ общения, общественные идеалы и стремления миллионов людей. Происходил второй этап – после взрыва революций в Европе XIX века – демократизации общества.

Наложили свой отпечаток и индустриализация, механизация процессов производства. Замена ручного труда механизированным, начавшаяся в XIX веке, освобождала человека от выполнения тяжелых, трудоемких операций, но вместе с тем подчиняла его машинному ритму. Индустриализация приводила к дальнейшему отдалению человека от природы и также вела к перевороту во всех сферах жизни. Наемный труд стал основным, а свобода, необходимая для развития экономики, – нормой новых отношений в обществе. Но все эти явления, все вместе, а не только колониальное и экономическое соперничество, создавали некую турбулентность, выходом из которой стала Великая война.

После войны европейская цивилизация – и культура – стали иными. Миллионы выживших, покалеченных не только физически, но и духовно людей не могли найти своё место в новой жизни. Про них писательница Гертруда Стайн однажды сказала: «Все вы потерянное поколение, вся молодёжь, побывавшая на войне. У вас ни к чему нет уважения. Все вы сопьетесь». Услышавший это, Эрнест Хемингуэй сделал эту фразу эпиграфом к своему роману «И восходит солнце», и она прочно вошла в литературный обиход. Но спились не все, – даже тот же крепко пьющий Хемингуэй и большой любитель выпивки Ремарк. Они и многие другие создали новую литературу, новое искусство. В целом это был модернизм – особое направление в искусстве, отражение другой эпохи, часть новой культуры. Но тогда почти никто не знал, что не пройдет и двух десятков лет как придет новое испытание – еще одна мировая война, и начнется она не в Европе, как впоследствии назначат политики, а в Китае.

Это время ускорило процесс секуляризации, что не могло не оказать влияния на культуру. Бог в Европе не умер, Его просто изгоняли из всех сфер жизни, от Него отказывались, отрекались или Его просто упраздняли очередным указом, как это происходило в Советской России. В Америке под звуки джаза, в парах контрабандного виски царило просперити, в Италии чернорубашечники устанавливали свою власть, которая от большевистской отличалась тем, что пыталась примирить почти нищих рабочих с промышленниками и банкирами, а в Германии, как когда-то Черная смерть, с огромной скоростью распространялась идеология нацизма. Всё это требовало новых подходов в культуре – другой музыки, литературы, архитектуры, пластики и театра. Искусство, как оценивал Питирим Сорокин, стало «свободно от религии, морали и других ценностей, а его стиль “искусство ради искусства”». Так как оно должно развлекать и веселить, оно широко использует карикатуру, сатиру, комедию, фарс, разоблачение, насмешку и тому подобные средства»⁶³. Торжествовало всё, что может быть другим, не таким, как было раньше. Создавалось впечатление, что человек решил отказаться от всего, что исповедовал ранее, перевернуть все с ног на голову, обрести новые ценности и на их основе создать другую культуру. В рамках этой парадигмы новое «искусство уклоняется от позитивных явлений в пользу негативных, от обычных типов и событий к патологическим, от свежего воздуха нормальной социально-культурной действительности к социальным отстойникам, и, наконец, оно становится музеем патологий и негативных феноменов чувственной реальности»⁶⁴. Джин был выпущен из бутылки, и загнать его обратно – даже при желании – было уже невозможно. Духовная культура вышла на новый качественный уровень, хорош он или плох – и прошла точку невозврата. Произошла мутация культуры, которая теперь вместо того, чтобы возвышать человека, бросилась вслед за толпой и опустилась до её уровня. Но, как и любому

⁶³ Сорокин, П. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – С. 437.

⁶⁴ Указ. соч. – С. 450.

созданному человеком феномену, новой, мутированной культуре предстояла, в той или иной форме, довольно долгая жизнь.

Поиски новизны были прерваны Великой депрессией. Зашедшая в тупик мировая экономика стала диктовать свои законы и искать свои пути выхода из материального кризиса. И этот путь был найден – в новой, самой истребительной в истории человечества войне.

Вторая мировая война как бы остановила развитие европейской культуры. Это не была ещё одна фаза кризиса, но всплеск духовной концентрации, при котором все мысли, весь духовный и материальный потенциал были задействованы в схватке относительной человечности и Абсолютного зла. Поэты писали стихи, писатели – романы, художники – картины. Архитекторы в Европе отдыхали: там не создавали, не строили, а методично разрушали построенное не только в последние десятилетия, но и то, что было создано за тысячи лет. Всё было подчинено войне. Шостакович написал Ленинградскую симфонию, Пикассо – Гёрнику. Писатели строчили газетные отчеты со всех фронтов, и пытались осмыслить происходящее. Многие воевали, многие из них не вернулись с полей сражений. Мыслители хотели понять: как могла возникнуть война на тотальное истребление, как полусумасшедший фюрер смог перенаправить, зомбировать, превратить в орудие сил ада один из самых просвещенных народов Европы. Казалось, что культура не переживает свой очередной кризис, – она зашла в полный тупик. Но это был не тупик. Впереди ещё было развитие, за которым её ждал очередной, может быть последний кризис. Последний – если цивилизация не опомнится и не продолжит своё развитие в совершенно другой парадигме.

С окончанием Второй мировой войны казалось, что европейская цивилизация и культура вышли из глобального кризиса и впереди их ждет период нового расцвета. Но получилось иначе. Кризис культуры только обострился. И одними из причин этого процесса стали коммерциализация и идеологизация культуры. Значимость культуры, её уровень стали медленно сползать, плестись вслед за вырвавшейся толпой специалистов и буржуа. Настало время, когда «сама культура рассматривается либо как ничтожный побочный продукт, который можно оставить без внимания, – писал сразу после Второй мировой войны Элиот, – либо как раздел жизни, устраиваемый в соответствии с системой, которой отдается наше предпочтение. Я имею в виду не только более догматические и тоталитарные философии настоящего времени, но и те предпосылки, что окрашивают мышление в каждой стране и разделяются самими враждебными сторонами»⁶⁵. В послевоенном западном обществе культура стала формироваться в рамках буржуазного потребительства. Она постепенно стала встраиваться в сферу услуг и превращаться в способ удовлетворения потребительских нужд человека. Вслед за кино коммерциализации подверглась литература, театр, телевидение, музыка, отпочковавшийся от живописи дизайн – да и сама живопись, скульптура, наука. Всё на продажу – мысли, идеи, чувства. Но если культура во всех своих проявлениях стала товаром, то стало необходимо максимально задействовать все способы продвижения этого товара. Основным средством в этом выступает реклама – инструмент, благодаря которому искусство, как всякий товар, становится максимально доступным.

«Общество потребления» – определение, которое Эрих Фромм дал ещё в 20-х годах прошлого столетия. Но по-настоящему оно расцвело в результате развития капитализма, сопровождаемого бурным ростом доходов населения, потребления, снижением продолжительности рабочего дня и увеличением свободного времени. Прошло 100 лет, и это общество приняло планетарные масштабы. В джунглях Амазонки или Африки, в Патагонии и на Аляске мечты людей, к сожалению, всё более сводились к потреблению материальных, а не духовных ценностей. На вопрос Фромма: «Иметь или быть?» западное общество дружно ответило: «иметь!» И даже в беднейших странах, под влиянием телевизионной пропаганды (реклама, безусловно,

⁶⁵ Элиот, Т. К определению понятия культуры. – Л.: ОЛП, 1968. – С. 120.

является частью пропаганды), интернета и соцсетей люди стали стремиться как можно больше иметь, хотя реально имеют неизмеримо меньше, чем на Западе.

После Первой, а особенно после Второй мировой войны на Западе произошли значительные социальные изменения. Возросли доходы населения, увеличилось свободное время наемных работников. Однако это не привело к раскрытию личностных качеств большинства из них. Ни значительное свободное время, ни огромный выбор «духовных товаров» – книг, фильмов, музыкальных произведений и т. п. не привели к росту духовности. Причина кроется в том, что современная культура направлена не на развитие творческого потенциала человека, а на формирование человека-потребителя, главным для которого стало удовлетворение материальных потребностей. Как следствие, уровень культуры, особенно после Второй мировой войны, непрерывно падал. «С достаточной уверенностью мы можем утверждать, что наше время – время упадка; что культурный критерий ниже, чем он был пятьдесят лет назад; и что доказательства этого упадка – налицо в каждой области человеческой деятельности. Я не вижу причины, почему разложение культуры не может пойти гораздо дальше и почему мы не могли бы даже предвидеть такой период, и достаточно продолжительный, о котором мы будем вправе сказать, что у него *не будет культуры*»⁶⁶, – писал в 1948 году Томас Элиот. Он не ошибся: за последующие семьдесят с лишним лет процесс этот зашел значительно дальше, и, похоже, остановить его уже невозможно.

Общество потребления характеризуется не только массовым потреблением товаров, но и формированием соответствующей системы ценностей и установок. А установки эти нацелены на удовлетворение потребностей рынка. И культура, также превращенная в товар, не может быть духовной – она, став частью рынка, превращается в рыночную. Она контролируется корпорациями, отдельными дельцами, господствующей на данный момент модой и потому не свободна, как любой товар, как предмет, созданный на заводе, выпускающем, например, автомобили. Но при массовом производстве товары должны быть недолговечными, и их недолгий век компенсируется количеством. Стирая грань между материальной и духовной культурой, современное общество ставит последнюю на грань выживания. С таким положением никак не мог согласиться Шпенглер. Он считал, что культура не товар, она не может и не должна быть товаром, потому что у каждой культуры не только своё искусство, но и своя уникальная природа её возникновения. «Каждой культуре присущ уже вполне индивидуальный способ видения и познания мира-как-природы... у каждой есть своя собственная, своеобразная природа, каковой в точно таком же виде не может обладать ни один человек иного склада. Но в ещё более высокой степени у каждой культуры... есть исключительно собственный тип истории, в картине и стиле которой он... переживает общее и личное, внутреннее и внешнее, всемирно-историческое и биографическое становление»⁶⁷. Но именно поэтому, считал Шпенглер, цивилизация, достигшая расцвета в Европе, свидетельствует о закате самой европейской культуры, как закономерном этапе исторического развития. Культура жива постольку, поскольку она сохраняет связь с душой человека. А душа культуры живет в его душе, в его ценностях и смыслах, присущих данной культуре. Но если культура перестает вдохновлять человека, она обречена. Именно в этом Шпенглер видел опасность, которую несет цивилизация. Нет ничего плохого в комфортной жизни, но когда она становится единственной ценностью, «огонь души», по его мнению, угасает.

Конец развития любой культуры, считал Шпенглер, наступает на той стадии цивилизации, которую переживает современный западный мир. Она характерна избыточным интеллектуализмом, рациональностью, техницизмом, безудержным развитием науки и техники, огромным ростом городов, упадком искусства, отказом от непосредственного и творческого

⁶⁶ Элиот, Т. К определению понятия культуры. – Л.: ОЛП, 1968. – С. 38–39.

⁶⁷ Шпенглер, О. Закат Европы. – М.: Мысль, 1993. – Т. 1. – С. 289.

восприятия мира. Для этой стадии характерно отрицание самой «жизни». В этот период, утверждает О. Шпенглер, народ теряет «душу культуры», превращается в бесформенную массу, что приводит к массовости во всех сферах жизни, а значит и к омертвлению культуры.

То же самое можно сказать об искусстве. В круговороте современных псевдокультурных произведений побеждает навязываемая пошлость: так сюжеты 80 % современных фильмов основаны на сексе, преступлениях и разрушении, уничтожении предметов материальной культуры. Но иначе и быть не может: искусство, ставшее товаром, ставит своей целью работу на потребителя. Оно должно развлекать, доставлять удовольствие, расслаблять или возбуждать (часто сексуально), но ни в коем случае не заставлять задумываться; оно не позволяет человеку остановиться в круговороте напряженной жизни, чтобы попытаться понять: зачем ему всё это? Но уничтожение, разрушение на экране, ставшее нормой, разрушает саму культуру, её духовную составляющую.

Теодор Адорно считал, что массовое искусство – просто товар для продажи обществу, оно манипулирует общественным сознанием с помощью определенных разработанных способов и лишено художественной формы истинного искусства. Остается добавить, что если «истинность искусства» продолжает оставаться вопросом спорным, то потеря гуманистических начал с приходом масс-культуры уже произошла. И если даже считать, что массовая культура происходит из высокой (академической), то становится ясно, что при этом содержание последней вырождается под напором дегенеративных изменений всего общества. И всё потому, что массовая культура, как и любой товар, создается фактически фабричным способом. Её плоды становятся не способом самовыражения автора, а ориентированным на спрос товаром массового потребления.

Искусство, превращенное в товар, постоянно требует обновления, новизны, потому что «без новизны искусство теряет свою развлекательную ценность»⁶⁸. Однако выдача на-гора всё новых и новых «тонн культуры» приводит к её девальвации, обесцениванию (не в ассигнациях и звонкой монете, в ценовом выражении всё наоборот: ценность культуры определяется именно её ценой). Искусство входит в стадию вырождения: поверхностность и пустота становятся отличительными её чертами. Преступный мир, маньяки, сумасшедшие, садисты, алкоголики, наркоманы, проститутки, лживые политики, сексуальные извращенцы, трансгендеры и педофилы – вот «герои» нашего времени. Патология приветствуется, преступления героизируются, сексуальные отношения возносятся на пьедестал основополагающих. «Развитие современного искусства с его по видимости нигилистическими тенденциями распада, – писал Юнг, – нужно понимать как симптом и символ характерных для нашей эпохи представлений о мировом закате и мирообновлении»⁶⁹. Действительно, культура мутировала, и андерграунд постепенно вытесняет культуру высокую (пока, к счастью, не до конца). Культура гуманизма, созданная Возрождением, постепенно переходит в антикультуру. Буржуа, удобно устроившийся в кресле аристократа, так им и не стал, зато успешно смог всё опошлить. Всё дальше и дальше культура уходит от реальности, всё ближе подходит к бессмысленности и полному отсутствию нравственных идей. А ведь без гуманизма и возвышенного она постепенно становится своей противоположностью – культурой пещерного человека, вооруженного самыми совершенными техническими приспособлениями. Впрочем, как писал Альфред Вебер, «рассуждения о гуманности сегодня звучат издевательски»⁷⁰.

Декаданс и саморазрушение культуры идут рука об руку с ложным представлением человека о должном, о том, что можно и что нельзя, что есть добро и что есть зло. Гипертрофиро-

⁶⁸ Сорокин, П. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – С. 453.

⁶⁹ Юнг, К. Настоящее и будущее // Юнг, К. Аналитическая психология. – М.: Мартис, 1995. – С. 165.

⁷⁰ Вебер, А. Германия и кризис европейской культуры // Вебер, А. Избранное. Кризис европейской культуры. – СПб: Университетская книга, 1999. – С. 172–173.

ванная либерализация отношений между людьми снижает нравственные нормы и запреты, в результате чего происходит деградация таких понятий как совесть, честь, достоинство, благородство и даже элементарная порядочность. Если вернуться к идее Ницше о том, что Бог умер, то можно уточнить: не Бог умер, а как считал Андре Мальро, умирает человек, потому что он теряет нравственные и социальные ориентиры, те человеческие ценности, которые и сделали его человеком. Излишний рационализм убивает человечность, в которой человек более не нуждается. «Чем более хищнической и испорченной представляется современная цивилизация, тем более критический оттенок приобретает идея культуры»⁷¹, – считает Терри Иглтон. Всё больше снижается ценность человеческой жизни, растёт агрессивность и жестокость, насилие над личностью. Доминирует массовая культура низкого качества, ориентированная на маргинальные слои населения. Пропадает любовь к людям как существам своего вида, человек становится не нужным самому себе, а вопрос об искусственном интеллекте создает другую проблему: человек на всё ещё нашей планете становится лишним (об искусственном интеллекте ещё будет сказано в главе десятой). И лишнему человеку уже не нужно ничего, тем более культуры. Может быть, действительно виной этому излишняя рациональность современной цивилизации?

Карл Юнг пытался дать ответ на этот вопрос. «Наша рациональная исходная посылка, – считал он, – состоит в том, что всё имеет свои естественные, видимые причины. В этом мы убеждены *a priori*⁷². В этом смысле каузальность является для нас самой священной догмой. В нашем мире нет законного места для невидимых, произвольных, так сказать, сверхъестественных сил... К невидимым произвольным силам мы относимся с чувством ярко выраженной неприязни... Нас окружает вселенная, которая подчиняется законам разума. Хотя мы и не знаем всех причин, но они будут открыты и будут соответствовать ожиданиям разума. Мы вполне естественно надеемся на это»⁷³. Цивилизация, безусловно, есть постепенный переход от иррационального к *ratio*⁷⁴, и процесс этот в начале третьего тысячелетия в европейском ареале заканчивается. А Юнг, который всегда стремился сблизить позиции рационального и иррационального, вывести проблему из русла противостояния в направление гуманизма, особо остро чувствовал увеличивающуюся в этом процессе рационализации бездушность нашего мира. Особенно его раздражала массовая культура.

Термин «массовая культура» ввел в оборот немецкий философ Макс Хоркхаймер в монографии «Искусство и массовая культура» в 1941 году. Но саму массовую культуру, по мнению Збигнева Бжезинского, ведущего американского геополитика, бывшего советника по национальной безопасности при президенте США Джимми Картере подарили человечеству американцы. «Рим экспортировал право, Англия – парламентскую партийную демократию, Франция – культуру и республиканский национализм, а современные Соединенные Штаты экспортируют научно-технические нововведения и массовую культуру, основанную на высоком уровне потребления»⁷⁵

⁷¹ Иглтон, Т. Идея культуры. – М.: ВШЭ, 2012. – С. 21.

⁷² Из предшествующего (лат.) – знание о фактах, полученное до изучения их опытным путем. – Прим. ред.

⁷³ Юнг, К. Г. Проблемы души нашего времени. – М.: Прогресс, 1996. – С. 163.

⁷⁴ Разум (лат.). – Прим. ред.

⁷⁵ Бжезинский, Зб. Между двумя веками. Роль Америки в эру технотроники. – М.: Прогресс, 1972. – С. 36.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.